МВД России
Санкт-Петербургский университет

В. Л. Ситников

СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ОБРАЗЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Монография

Санкт-Петербург
2023

План-график 2023 поз. 95

УДК 159.9
ББК 88
С41

Ситников В. Л.

С41 Социально-перцептивные образы в массовом сознании: монография / В. Л. Ситников. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2023. — 160 с.

ISBN 978-5-91837-781-9
EDN: VZJEGW

Монография посвящена анализу одной из ключевых проблем современной психологии отражению образов людей разного возраста, национальностей и профессий в сознании человека. Описаны процедуры, методики, методы и результаты исследования социально-перцептивных образов детей, взрослых, супругов людьми разных национальностей. Описаны закономерности восприятия и отражения «абстрактных» и реальных образов человека. Разработанные и предложенные методики позволяют оперативно выявить сложившиеся в сознании людей структуры Я-, Ты-, Он- образов сотрудников органов внутренних дел. Раскрываются механизмы формирования субъективной реальности социального восприятия и возможности коррекции социальной перцепции и, как следствие, повышения эффективности взаимодействия людей.

Предназначена для психологов, педагогов, слушателей курсов повышения квалификации и переподготовки, курсантов и студентов вузов, научно-педагогических работников образовательных организаций МВД России, а также для сотрудников подразделений органов внутренних дел.

УДК 159.9
ББК 88

Рецензенты:
Кравцова Ю. А., кандидат психологических наук
(Воронежский институт МВД России);
Борисова С. Е., кандидат психологических наук, доцент
(Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова)

© Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023

ISBN 978-5-91837-781-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
Глава 1. ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ 12
§ 1. Познание духовного мира человека 12
§ 2. Сознание в структуре психики человека 22
§ 3. Неосознаваемые источники сверхсознания 31
§ 4. Сверхсознание как осознание бессознательного 40
§ 5. Структура массового профессионального сознания 44
§ 6. Гендерная идентичность в сознании человека 54
Глава 2. СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ОБРАЗЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ 59
§ 1. Психологическое понятие образа 59
§ 2. Сознание и межличностное познание 67
§ 3. Социально-перцептивные образы и «я-концепция» 75
§ 4. Социально-перцептивные образы объекта и субъекта познания 88
§ 5. Параметры вариативности образа человека 93
§ 6. Образ полицейского в современной России 99
Глава 3. ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОБРАЗОВ 111
§ 1. Методология, методы и методики исследования социально-перцептивных образов 111
§ 2. Методика изучения образа человека «СОЧ(И) — структура образа человека (иерархическая)» 117
§ 3. Программа изучения образа человека в сознании сотрудников полиции 137
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 140

ВВЕДЕНИЕ

«Счастье — это когда тебя понимают» — ставшая знаменитой фраза девятиклассника в исполнении актера Валерия Зубарева из фильма Станислава Ростоцкого «Доживем до понедельника», выражает всю тоску и дискомфортность детей, искаженно отражающихся сознанием сверстников и взрослых, она точно выражает смысл идеальной социальной перцепции — восприятия и понимания человека человеком. А восприятие и понимание основывается на отражении в сознании человека образа того, кого он воспринимает. Чем более адекватно и точно этот социально-перцептивный образ отражает человека, тем выше уровень понимания им другого человека или самого себя.

Увы, действительно, люди, обижающиеся, что их плохо или совсем неправильно понимают, как правило, сами себя отражают неадекватно, образ самого себя, сложившийся в их сознании, нередко оказывается далек от реальности. З. Фрейд и его последователи объясняли это явление эффектами психологической защиты, искажающей неприятную человеку реальность, а в результате не защищающей, а разрушающей личность самого человека и его отношения с окружающим миром не только людей, но и вещей. Именно поэтому так важно понимать закономерно-

сти и специфику формирования и функционирования социально-перцептивных образов.

Суть искажения социально-перцептивных образов кроется не только в знаниях людей друг о друге, но и в специфике функционирования, актуализации и трансформации социальных установок, определяющих формирование адекватного образа у всех участников взаимодействия. Как отмечала Г. М. Андреева, с 1947 года — с момента введения Дж. Брунером в научный оборот термина «социальная перцепция» этот термин обозначал социальную детерминацию перцептивных процессов в процессе взаимодействия людей [8]. Затем социальной перцепцией стали называть процесс восприятия социальных объектов, то есть отражения в сознании человека других людей, а так же социальных групп и больших социальных общностей. Но и в том, и в другом случае, в основе социальной перцепции лежат складывающиеся в сознании человека или социальных групп образы — представления о других людях, группах, общностях.

Проблема отражения — одна из ключевых проблем психологии. Вопросы отражения человека в человеческом сознании являются одними из важнейших вопросов как житейской, так и научной психологии. Серьезнейшей проблемой юридической психологии и профессиональной практической деятельности сотрудников правоохранительных органов всегда была проблема адекватного отражения окружающих: коллег, руководителей, подчиненных и разных категорий граждан.

Актуальность научной разработки темы обусловлена тем, что в период радикальных социальных изменений, в условиях возрастающей информационной, экономической и политической напряженности растет расслоение общества, происходят существенные изменения в отношениях между людьми, нередко обусловленные неадекватным восприятием себя и окружающих, вызванным психоэмоциональными перегрузками, снижающими стрессоустойчивость и жизнестойкость личности. Бурное развитие электронных средств массовой информации, социальных сетей, несущих самую противоречивую, порой весьма искаженную информацию о действительности, нередко способствует деформации образной сферы личности, формированию неадекватных представлений о людях.

Социально-перцептивные образы отличаются двумя противоположными характеристиками. С одной стороны, они имеют достаточно устойчивый набор характеристик, отражающих стержневые особенности отражаемого человека, с другой стороны, они достаточно динамичны и актуализация тех или иных характеристик зависит от ситуации, в которой она происходит. Их трансформация может происходить очень медленно, практически незаметно для самого человека и окружающих, а может кардинально изменяться в результате, казалось бы, незначительного (для окружающих) случая, ставшего известным факта или даже невзначай подмеченного взгляда.

Образы многофункциональны, обладая мощной регулятивной функцией они детерминируют развитие личности, отношение к себе и другим людям, но активное исследование структуры и содержания социально-перецептивных образов, закономерностей и механизмов их формирования началось сравнительно недавно. Большой объем проведенных в последние годы исследований требует теоретического осмысления и анализа результатов различных эмпирических исследований. Понимание специфики функционирования социально-перцептивных образов у представителей различных групп общества будет способствовать совершенствованию средств и методов повышения эффективности деятельности различных сфер, включая службы полиции, улучшения взаимодействия их сотрудников между собой и с правопослушными гражданами; развития адекватности восприятия правонарушителей и преступников; существенного повышения имиджа сотрудников полиции.

Эта проблема до сих пор не являлась предметом специального исследования, так как лишь сравнительно недавно были разработаны и проверены методология и достаточно эффективные методы сравнительного психологического анализа структуры и содержания социально-перцептивных образов. Пришло время обобщить накопленную информацию и провести дополнительное исследование особенностей социальной перцепции в массовом сознании и подготовить монографию, актуальную как в научном, так и в практическом плане, способствующую обеспечению взаи-

мопонимания, организации взаимодействия, повышению профессионализма, осуществлению коррекции взаимодействия сотрудников полиции с коллегами, начальниками, подчиненными и окружающими людьми. Не случайно в последние десятилетия существенно возросло внимание средств массовой информации к системе МВД и к сотрудникам полиции.

В последние годы резко увеличилось количество научных публикаций, посвященных проблемам образа полицейского, его динамике от времен Российской империи до сегодняшнего дня. Как справедливо замечает В. В. Зудаева: «…образ сотрудника полиции устарел и представляет собой препятствие для повышения уровня доверия населения к полицейским. В России давно требуется изменение устаревшего образа сотрудника правоохранительных органов. Можно отметить, что образ сотрудника полиции — это образ отношения к государственной власти в целом. Несомненно, повышение уровня доверия населения к полицейским приведет также и к росту доверия к государственной власти как таковой, представителями которой они являются» [45].

Для того, чтобы эффективно формировать адекватные требованиям времени и социума представления о людях, необходимо исследовать особенности и закономерности образования, функционирования и трансформации образов, их содержания и структуры. «В психологии образ является одним из фундаментальных понятий. Образ — это отражение объективной реальности в психике человека, как субъекта познания. Многие отечественные

ученые: Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, А. А. Гостев, Е. А. Климов, Б. Ф. Ломов, А. Н. Леонтьев, В. В. Петухов, А. А. Реан, С. Л. Рубинштейн, С. Д. Смирнов и многие другие занимались исследованием психологии образов и социальной перцепции» [110].

Предметом данного исследования являются анализ особенностей структур и содержания социально-перцептивных образов в сознании людей разного возраста, пола, национальности.

Объект исследования — имплицитные концепции образа человека.

Целью исследования является обобщение исследований структуры и содержания социально-перцептивных образов и закономерностей связи Я-концепций людей разного возраста, пола, национальности с их представлениями о разных людях. Исследования в этой области в нашей стране стали развиваться лишь на стыке двух тысячелетий — во второй половине двадцатого, а достаточно активно лишь с начала двадцать первого века. Речь идет именно об исследовании закономерностей и механизмов связи и различий между Я-, Ты-, Он-образами. Исследования собственно психологии восприятия и понимания человека человеком в России и за ее пределами проводились значительно раньше — еще в середине прошлого века, а вот изучение соотношения субъекта и объекта социальной перцепции начались значительно позднее с изучения образа ребенка в сознании взрослых. Промежуточный анализ этих исследований, проделанный в монографии «Социально-психологическая перцепция в системе образования» отмечал:

«В процессе нашего исследования выявилось следующее:

1. Социально-психологическая перцепция является одним из основных регуляторов взаимодействия в системе образования. Социально-перцептивные образы вариативны и индивидуальны.

2. Система образов в сознании детей и взрослых включает различные типы и виды отражения субъектов и объектов деятельности, которые можно классифицировать: по степени конкретности (образы-обобщения и образы-отражения, образы-эталоны и образы-ориентиры, образы-идеи и образыроли); по отражаемому объекту (Я-образы, образы сверстников, «ретроспективные», «перспективные» и художественные образы участников образовательного процесса); по схемам формирования (образ-атрибуция, образ-проекция, образ-установка, образ-стереотип, образ-аттитюд).

3. Специфика содержания и структуры образа человека определяется сочетанием трех факторов: а) субъектом, в сознании которого возник образ человека; б) объектом — человеком, отражаемым сознанием субъекта; в) ситуацией, в которой этот образ актуализировался.

4. Образ объекта социальной перцепции связан со структурой Я-образа субъекта, продуцирующего этот образ. В ряде случаев образ объекта может являться проекцией Я-образа субъекта, актуализирующего этот образ.

5. В сознании детей и взрослых имеются разнообразные варианты комплексов представлений об «абстрактных» людях («эталоны»), имеющие различное содержание и структуру.

6. Применение метода контент-анализа по разработанной нами диагностической методике сбора и компьютерной обработки данных позволяет выявить индивидуальные структуры и особенности содержания социально-перцептивных образов в сознании детей и взрослых» [110].

Таким образом, были выявлены основные закономерности соотношения образов субъекта и объекта социальной перцепции, отличающихся разным жизненным опытом. Но уже в начале двухтысячных стали активно проводится исследования не только в системе «взрослый-ребенок» или «ребенок-ребенок», но «взрослый-взрослый», «Я сегодня — Я будущий», «Я (личность) — Я (профессионал)», «супруг-супруга» и т.п., что позволило выявить новые аспекты психологии социальной перцепции и наметить новые направления и программы исследований.

Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе образовательных организаций МВД России и других вузов, осуществляющих подготовку специалистов, а так же при проведении научных исследований преподавателей, курсантов, адьюнктов, докторантов в области профессий типа «человек-человек», по классификации Е. А. Климова [55].

Глава 1. ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

§ 1. Познание духовного мира человека

В этом параграфе рассматривается проблема соотношения понятий «душа» и «психика», рационального и иррационального познания, сознательного и бессознательного.

С давних пор люди, под влиянием служителей религий и философов противопоставляли тело и душу человека, считая тело чем-то тривиальным, приземленным, а душу — возвышенным, творческим началом. Аналогичное противопоставление перенеслось и на сознание с бессознательным. Но, как мы уже писали раньше, нам ближе понимание соотношения тела и души не как противоположных сущностей, а отношение к телу как к храму, в котором обитает человеческая душа: «Только нерасторжимое единство души и тела делает человека человеком. Тело без души — биомасса. Душа без тела — неосязаемый дух. Человека не существует без души, но его не существует и без тела...

Проблема роли рационального и иррационального познания не может быть решена путем их противопоставления и взаимоисключения. Оба пути познания имеют право на существование и существуют вне зависимости от их признания или отрицания.

Более того, в реальном познании мира (как человечеством в целом, так и отдельным человеком) эти виды познания очень тесно связаны и порой неотделимы друг от друга. Вспомним хотя бы историю открытия Д. И. Менделеевым периодической системы химических элементов, которую, по преданию, он долгое время пытался создать сугубо рациональным путем, но лишь увиденная во сне и наскоро, посреди ночи зафиксированная в набросках таблица позволила сделать одно из величайших открытий в области химии. Этот пример говорит о тесной связи проблем рационального — иррационального в познании мира, и сознательного — бессознательного в психике человека.

Именно психика — душа человека демонстрирует всю мощь и величие природы, проявляющиеся, в том числе и в появлении человеческого сознания. Но сама душа отнюдь не сводится только к сознанию человека. Иначе не было бы столько разговоров о тайнах человеческой души, недоступных не только другим (вспомнить хотя бы поговорку: «Чужая душа потемки»), но и самому человеку» [105, 21–22].

В жизни очень часто нет однозначного соответствия между формой и содержанием. Но человек постоянно стремится к гармоничному единству содержания и формы. Именно уникальная — человеческая психика, осуществляющая регуляцию всех функций человека, обеспечивающая формирование образа мира, образа самого себя и окружающих людей создает человеку воз-

можность полноценной гармонизации формы и содержания всего, что его окружает а так же самого себя, своего тела и души.

Один из учеников В.Вундта, создавшего в 1879 году в Лейпциге первую лабораторию экспериментальной психологии, Г. Эббингауз, вошедший в историю психологии своими фундаментальными исследованиями памяти, сказал, что психология как наука имеет огромную предысторию и короткую историю. Не смотря на то, что с тех пор прошло почти полторы сотни лет, эту фразу часто повторяют на лекциях и в учебниках психологии.

Действительно, не смотря на то, что еще в XIX веке психология была признана самостоятельной экспериментальной наукой, но уже с зарождения человечества можно говорить о начале развития, так называемой, житейской психологии. Она аккумулировала представления людей о других людях, о понимании особенностей их поведения, о нормах взаимодействия между ними и их отношений друг к другу. По мере развития социума, появления возможностей передачи накопленных знаний и опыта общения, эти представления передавались «из уст в уста», оформлялись в некие ритуалы, смысл которых порой терялся во времени. Возможности фиксации и передачи психологической информации резко возросли с возникновения письменности.

Еще в IV тыс. до нашей эры в Древнем Египте был написан в трактат «Памятник мемфисской теологии». Знакомство с этим древнейшим памятником письменности и пытливости человеческого познания убедительно доказывает, что и шесть тысяч лет

назад люди пытались осмыслить и понять механизмы, закономерности и особенности человеческой психики, старались определить, что зависит от человека, а чем человек не способен управлять так, как может управлять своим телом. Этот знаменитый трактат интересен и тем, что он показывает как на основе житейской психологии, или, как нередко говорят, психологии обыденной жизни начинала оформляться новая — религиозная психология, целью которой был поиск возможностей активного целенаправленного управления человеческой психикой — душой человека. «По мнению древних египтян, всеми мыслями, речами и сердцами людей ведает бог Птах, который дал людям «зрение глаз, слух ушей, дыхание носа, дабы давали они сообщение сердцу», которое является проводником сознания. Тем самым уже в этом древнем источнике мы находим представления как о духовной и телесной природе человека, так и о сознаваемых (сознательных — «управляемых богами») проявлениях его психики. При этом, с точки зрения древних, высшими и главными, безусловно, были неосознаваемые явления души» [110, 22 с.].

Благодаря развитию религии духовная жизнь человека все больше противопоставлялась телесной, плотской жизни человека, наделялась бестелесностью и бессмертием, возможностью вечной жизни в потустороннем мире, что возвышало ее над телесной сущностью.

Разделение, противопоставление духовной и телесной жизни человека, возвышало и служителей культа, наделяя их правом су-

дить о состоянии души не только обычного человека, но носителей власти. Что в немалой степени способствовало возникновению философских идеалистических систем. Так, философы Пифагорейской школы утверждали первичность духа, идеи, сознания, которые, по их мнению, являются первопричиной всего, а все остальное лишь производное от них.

Но в античности зародилось и материалистическое представление о психике, утверждавшее вторичность психики порожденной материальным миром. Гераклит, живший в 530–470 годах до нашей эры считал, что единстве душа и тело в своем единстве порождают психику человека. Он утверждал, что душа появляется испаряясь из влаги, а попадая обратно во влажную среду гибнет, что видно из наблюдений за пьяным, который, увлажнив душу вином, шатаясь не понимает, куда идет, чем суше душа, тем она мудрее.

Но поистине первым основателем исследовательской психологии нужно считать Аристотель, который жил в 384–322 годах до нашей эры. Его знаменитый трактат «О душе», издаваемый на разных языках более двух тысяч лет, представляет собой первое руководством по психологии. Будучи учеником Платона, Аристотель в отличие от своего учителя, утверждал, что душу невозможно отделить от тела, она тесно связана с телом и не смотря на то, что она не является веществом, многое в душе зависит от состояния тела человека. Во второй главе второго тома своего трактата Аристотель писал: «Так как одушевленное существо состоит из материи и формы, то не тело есть энтелехия души, а душа есть

энтелехия некоторого тела. Поэтому правы те, кто полагает, что душа не может существовать без тела и не есть какое-либо тело. Ведь душа есть не тело, а нечто принадлежащее телу, а потому она и пребывает в теле, и именно в определенного рода теле, и не так, как наши предшественники (имеются ввиду Пифагор и пифагорейцы) приноравливали ее к телу, не уточняя при этом, что это за тело и каково оно, тогда как мы видим, что не любая вещь воспринимается любой. Тот же вывод можно получить путем рассуждения. Ведь естественно, что энтелехия каждой вещи бывает только в том, что вещь есть в возможности, т. е. в свойственной ей материи. Итак, из сказанного очевидно, что душа есть некоторая энтелехия и смысл того, что обладает возможностью быть таким [одушевленным существом]»[11] .

Но, несмотря на огромный авторитет Аристотеля и его трактата «О душе», понятие «душа» постепенно сузилось до бестелесных, идеальных, метафизических и этических проблем человеческой жизни.

С открытием В. Вундтом в последней четверти XIX века первой лаборатории экспериментальной психологии, а затем и первого института психологии уже не душа, а психика, сознание человека стали объектом и предметом исследования. Целью сотрудников и последователей В. Вундта было строго экспериментальное исследование психики человека с помощью методов и методик, способных точно фиксировать, измерять и сравнивать психические особенности разных людей. Стали активно разраба-

тываться и применяться самые разнообразные методы и методики изучения психики.

На смену, первоначально считавшемуся основным, методу интроспекции пришли и другие экспериментальные методики, а затем и тестовые, опросные, социометрические, графические, биографические и другие методы и методики. Тем не менее, серьезно продвигаясь в изучении самых разных механизмов, закономерностей и особенностей психики человека, ученые-психологи совсем отошли от познания человеческой души.

Но чем активнее наступал научно-технический прогресс, тем больше росло стремление к пониманию того, что исследование различных психических процессов, свойств и состояний человека не слишком приближает к пониманию целостной психики, которая изначально как раз и переводилась с древнегреческого как «душа».

Уже первые экспериментальные исследования сознания, которое тогда считалось фактически синонимом психики — основным ее содержанием, привели к пониманию того, что сознание не равно психике. Это еще в 1888 году, проведя основательный анализ сознания и бессознательного, убедительно доказал В. М. Бехтерев в своей работе «Сознание и его границы».

К этому времени он уже три года был заведующим психиатрической клиники окружной казанской больницы и профессором Казанского императорского университета, где в 28 лет создал первую в России научную лабораторию психофизиологии. Лишь

семь лет спустя в 1995 году З. Фрейд обосновал свою знаменитую формулу «Психика — сознание = бессознательное».

Как уже отмечалось в монографии «Образ ребенка (в сознании детей и взрослых)» в ходе анализа сознания и бессознательного в сознании человека: «На данный момент исследовательская работа в области психологии постепенно переходит с этапа дифференцированных, нередко фрагментарных исследований различных характеристик и параметров к интегративному изучению сложных, взаимосвязанных структур, определяющих эффективность человеческой деятельности. Показателем этого является растущее число работ, посвященных анализу сознания (К. А. Абульханова-Славская, Г. В. Акопов, В. М. Аллахвердов, Л. В. Куликов, В.Ф. Петренко, Д. В. Ронзин и другие). Сегодня ученые изучают самые различные виды сознания: массовое, национальное, научное, обыденное, политическое, профессиональное и др. И, тем не менее, сегодня еще нет общепризнанного понимания типологии, сути и структуры сознания». [111, 24 с.].

В конце шестидесятых годов прошлого века известный в свое время и нередко цитируемый сегодня профессор Венского университета Г. Рорахер полемически писал: «Не существует неосознаваемой психической деятельности как промежуточного звена между мозговыми процессами и активностью сознания, существуют только разные степени ясности сознания... непрерывно разыгрываются процессы возбуждения, которых мы совершенно не замечаем: это процессы неосознаваемые в точном смысле это-

го слова, но это не неосознаваемые психические процессы — неосознаваемые мысли, представления, стремления и т. п., — а неосознаваемые процессы нервного возбуждения, т. е. органические, электрохимические проявления. Необходимо ясно понимать это различие, чтобы избежать недоразумений». Отчаянно полемизируя с не имеющим уже возможности ответить своим земляком — Зигмундом Фрейдом, он продолжает утверждать, что учение Фрейда: «достигло больших успехов, но внесло и немало путаницы… создало опасность все непонятное объяснять неосознаваемыми психическими процессами» [133]. На наш взгляд, это узко физиологическое, утилитарно-материалистическое понимание психики как субстрат сознания, под предлогом целостного подхода к изучению психики отождествляющее ее, как и во времена В. Вундта, с сознанием.

В конце второго, в начале третьего тысячелетия многие научные школы сходятся в мнении о том, что работа самого сознания психикой человека не осознается. Нетривиальный подход к пониманию сознания проявился в исследованиях профессора В. М. Аллахвердова, который, опираясь на анализ многочисленных исследований, убедительно доказывает, что сознание человека создает свою собственную систему знаний. После накопления опыта подтверждения своих догадок оно сохраняет однажды выбранные критерии соответствия и в целом рассматривает подтвержденные догадки как верные, а отвергнутые варианты — как неверные. В. М. Аллахвердов утверждает, что главная функция

сознания: «Функция проверки автоматически сделанных догадок… Механизм сознания создает своим проверяемым гипотезам защитный пояс... (который) активнее работает именно в тех случаях, когда поступающая информация противоречит ожиданиям. Эта работа направлена на сглаживание противоречий между ожиданием и действительностью, на подгонку имеющейся гипотезы к опыту» [5, 20].

Г. В. Акопов и Д. В. Ронзин, работая в педагогических вузах разных регионов Советского Союза, независимо друг от друга начали в восьмидесятых годах прошлого века исследования в области психологии профессионального сознания. При этом они исходили из того, что в соответствии с представлением о сознании человека, существовавшим в советской психологии, как о: «свойственном человеку способе отношения к объективной действительности к миру со знанием его объективных закономерностей» [2], чья структура в полной мере соответствует описанной в учебнике для педагогических вузов под редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского [89, 31]. Сознание в этом учебнике понимается как интегративный результат общественно-исторических условий развития человека в ходе непременного общения и взаимодействия с различными людьми процессе их профессиональной деятельности. Аналогичным образом понимал сознание и крупнейший отечественный психолог, основатель единственного в России Института психологии в системе Российской академии наук, Б. Ф. Ломов, который писал, что сознание —

это «идеальное отражение, формирующееся и развивающееся в процессе исторического развития человека» [66, 175].

В отечественных учебниках психологии, исходя из лексической структуры самого слова «сознание» традиционно в структуру сознания включали совокупность процессов познания и важнейшее средство передачи знаний — речь, язык, без которого невозможно ни общение, ни организация взаимодействия, это очень точно подметил О. Мандельштам: «Но я забыл, что я хочу сказать, — И мысль бесплотная в чертог теней вернётся».

§ 2. Сознание в структуре психики человека

Структура человеческой психики до сих пор не имеет однозначно признанного разными научными школами определения. С момента обоснования З. Фрейдом и введения в научный и обыденный оборот его представления о «бессознательном», как важного структурного элемента психики, прошло больше ста лет, но дискуссии о месте, роли и видах «бессознательного» не прекращаются.

В XX веке тщетность своих усилий осознать сущность сознания и его возникновения некоторые ученые начинают осознавать. В работе «Образ ребенка (в сознании детей и взрослых)» были достаточно подробно проанализированы некоторые подходы к пониманию строения психики и места в ней человеческого сознания: «Как отмечает В. М. Аллахвердов (на грани тысячелетий — уже в 2000 году анализируя парадоксы сознания): «Среди всех загадок психологии наиболее таинственно выглядит пробле-

ма сознания» [5, 40]. За четверть века до этого А. Н. Леонтьев называет сознание «центральной тайной человеческой психики». Еще раньше Ф. Перлз говорит о нем как об «испытании величайшей тайны». М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, пытаясь определить сознание, напускают еще больше тумана: «Поскольку не все в психике может быть рассмотрено объективно и в той мере, в какой оно не может быть рассмотрено объективно, — есть сознание, постольку то в психике, что является вне сознания, может быть ... приурочено к сознанию в качестве его состояния» [68]. По сути, речь здесь идет о том, что сознание не может быть рассмотрено объективно.

В то же время исследователи проблем сознания не оставляют своих попыток проникнуть в его суть. Надеясь когда-нибудь разгадать загадки сознания, они анализируют его различные проявления, формы и виды, выделяя десятки различных, порой противоречащих друг другу определений. Анализируя различные подходы к пониманию сознания, В. М. Аллахвердов выделяет ряд омонимических значений **этого** понятия, говоря, в частности, о том, что:

— как идеальное оно противопоставляется материальному;

— как осознанное противопоставляется бессознательному;

— как состояние бодрости противопоставляется состоянию сна;

— как выражаемое в словах (вербальное) противопоставляется словесно невыразимому (невербальному);

— как осознание собственных особенностей и переживаний (самосознание) противопоставляется осознанию внешних явлений и предметов и т. д.

Он отмечает, что никто не сомневается в существовании сознания, но это само но себе еще не означает, что суть его осознана, несмотря на то, что пытаются осознать ее разными путями: и религиозно-мистическими, и естественно-научными, и логическими, и эмпирическими. Ни физика, ни генетика, ни философия принципиально не способны объяснить возникновение и функции сознания. Хотя сознание и отражает окружающий мир и регулирует деятельность, но и отражение, и регуляция весьма эффективно осуществляются без всякого сознания. Для того чтобы отражать и регулировать, сознание не только излишне, но иногда даже вредно [5]. Для того чтобы даже просто почувствовать это, можно проделать доступный каждому опыт: сосредоточиться на своем дыхании и просто понаблюдать (не вмешиваясь в сам процесс) за тем. как оно происходит: как начинается вдох, как легкие наполняются воздухом, как появляется желание сделать выдох, как происходит выдох и снова начинается вдох... Если человек не занимался дыхательной гимнастикой или медитацией, то, скорее всего, поначалу ощутит некоторые затруднения в процессе дыхания, но если он переключится на что-нибудь другое, то эти затруднения практически сразу же исчезнут.

Сегодня почти все научные школы приходят к выводу, что работа самого механизма сознания не осознается. Более того, этот

механизм сам *принимает специальное решение,* что именно следует осознавать, а что — нет. Неоднозначно решается и вопрос об основных функциях сознания. Так, по мнению В. М. Аллахвердова, многочисленные исследования показали, что основной функцией сознания является *«функция проверки автоматически сделанных догадок».* При этом механизм, проверяющий догадку сознания, в первую очередь направлен на такую корректировку исходной гипотезы, чтобы она соответствовала опыту человека. «Механизм сознания создает своим проверяемым гипотезам защитный пояс... (который) активнее работает именно в тех случаях, когда поступающая информация противоречит ожиданиям. Эта работа направлена на сглаживание противоречий между ожиданием и действительностью, на подгонку имеющейся гипотезы к опыту» [5, 20].

И. Я. Лернер выделяет регулирующую, эвристическую, моделирующую и прогнозирующую функции сознания; говорит о необходимости обеспечения единства интеллектуальных, эмоциональных и практически-действенных факторов в процессе формирования профессионального сознания; различает понятия «культура», «мышление» и «сознание», считая при этом, что сознание значительно сложнее мышления по содержанию и его организации.

Психологическое исследование профессионального сознания было осуществлено Г. В. Акоповым (1989, 2010, 2014) и Д. В. Ронзиным (1988, 1991). В своих, осуществляемых независимо друг от друга, исследованиях они исходили, по существу, из одной и той же

посылки, что сознание соответствует принятому в отечественной психологии представлению о сознании личности, как о «свойственном человеку способе отношения к объективной действительности к миру *со знанием* его объективных закономерностей» [2], а структура педагогического сознания соответствует структуре сознания человека, изложенной А. В. Петровским и М. Г. Ярошевским в учебнике для педагогических институтов [89, 31]. *Сознание* трактуется ими как *высшая, интегрирующая форма психики, результат общественно-исторических условии формирования человека в трудовой деятельности при постоянном общении с другими людьми.*

Это определение практически полностью согласуется с мнением Б. Ф. Ломова, который рассматривает сознание с позиций отечественной марксистской психологии XX века как функцию мозга, как *«идеальное отражение, формирующееся и развивающееся в процессе исторического развития человека»* [66, 175], представляющее собой специфически человеческое отражение бытия. Сознание концентрирует коллективный опыт человечества, переработанный конкретным человеком.

В отечественной психологии сознание и его структуру нередко определяют, исходя из лексического анализа слова. Сознание рассматривают как «со- (совместное, совокупное, соединенное) знание», т. е. такое знание, которое можно передать и получить. В структуру сознания традиционно включали [89, 29] такие различные группы психических явлений, как:

— ***процессы познания (ощущения, восприятия, память, мышление, воображение),*** *с* помощью которых человек обогащает спои знания;

— ***осознание границ своего «Я», различение субъекта и объекта,*** т. е. того, что принадлежит «Я» человека и его «Не-Я». Самосознание, осознание себя считается одной из наиболее существенных черт, отличающих человека от других представителей мира живой природы. А. Г. Асмолов, опираясь на работы Л. С. Выготского, посвященные проблемам произвольной регуляции высших форм поведения человека, весьма категорично говорит: «Там, где нет произвольного контроля, нет противопоставления себя миру, а тем самым нет осознания» [13];

— ***мотивационно-волевые характеристики,*** обеспечивающие целеполагание, целенаправленность и организованность деятельности. Эти психические составляющие обеспечивают осмысленную корректировку процесса деятельности. В свое время К. Маркс отмечал, что самый плохой архитектор отличается от самой лучшей пчелы тем, что он заранее знает, что хочет построить, и сознательно стремится к цели [55]. «Маркс ошибся» — эту красивую мысль в год пятидесятилетия советской власти очень смело и психологически точно поправил М. М. Бонгард, ссылаясь на которого, комментирует этот красивый образ К. Маркса В. М. Аллахвердов. Разъясняя ошибку К. Маркса, М. М. Бонгард отметил, что архитектор не отличается от пчелы предварительно продуманной целью, так как пчеле эта цель задана генетически.

Но архитектор обладает возможностью выбора: пчела строит только соты, а архитектор может спроектировать и гнездо, и дворец, и стадион, и баню [20].

— ***мир чувств, эмоций, отношений*** *к* миру, людям, самому себе, к деятельности. Все тот же К. Маркс прямо так и писал: «Мое отношение к моей среде — есть мое сознание». Не случайно к людям «с ума сошедшим» относят, прежде всего, тех, кто неадекватно реагирует на окружающий мир;

— ***язык, как средство общения, взаимодействия, передачи и получения знаний,*** является обязательным условием формирования, функционирования сознания. Именно благодаря языку знание становится совместным достоянием человеческого сообщества. Мысль, воплощенная в слово, образ или действие, становится осознанной и дееспособной, но эта же мысль, не обрамленная в слова, образы или действия, скорее всего канет в небытие и не оставит следа ни в сознании отдельного человека, ни в судьбе человечества. «Я слово позабыл, что я хотел сказать, и мысль бесплотная в чертог теней вернется», — точно подметил Ф. Тютчев.

Глубокое и нетривиальное исследование сознания проделано В. М. Аллахвердовым. На основе анализа данных многочисленных исследований и экспериментов им разрабатывается оригинальная теория сознания, в которой он исходит из того, что сознание человека создает свою собственную систему знаний. После накопления опыта подтверждения своих догадок оно сохраняет однажды выбранные критерии соответствия и в целом рас-

сматривает подтвержденные догадки как верные, а отвергнутые варианты — как неверные. Все, с чем оно в данный момент не работает, помещает в свое базовое содержание. Но при всем этом оно обычно умеет корректировать свои представления.

Сознание строит свой собственный, во многом воображаемый и весьма далекий от реальности мир. Этот мир сознания, но мнению многих философов и психологов, — всего лишь догадка о том, каков мир в действительности. Сознание работает так, что почти всегда подтверждает собственные гипотезы-догадки об окружающем мире, все время пытается отождествить свои догадки с реальностью. При этом оно имеет много возможностей подтвердить свои гипотезы. Всегда можно выбрать такие слабые требования к точности соответствия, когда все что угодно может быть отождествлено со всем чем угодно.

Результаты работы сознания зависят не только от объективной ситуации. Оно всегда субъективно. Ю. М. Забродин говорит о том, что в подавляющем большинстве случаев у людей нет точного знания реальной ситуации, а есть лишь иллюзия этого знания. Но все же именно сознание дает нам основное знание о мире. Сознание способно более-менее адекватно отражать окружающее. Оно способно не только подтверждать свои ожидания, но и корректировать их, а в некоторых ситуациях даже опровергать. Для того чтобы субъективный мир был более-менее адекватен реальности, сознание должно быть способно выходить за пределы собственной сферы и весьма существенно изменять свой взгляд на

мир, исправлять свои собственные ложные представления. Не об этой ли способности сознания содействовать обновлению души писал Н. Гумилев [25]:

Только змеи сбрасывают кожи,

Чтоб душа старела и росла.

Мы, увы, со змеями не схожи,

Мы меняем души — не тела.

Сознание активно проверяет собственные гипотезы, ставя реальные эксперименты и оценивая результаты тех действий, которыми оно самостоятельно управляет. В. М. Аллахвердов убедительно доказывает, что связь сознания с деятельностью — не выдумка советских психологов. Но он уточняет, что деятельность, о которой идет речь, — это действия по проверке собственных гипотез. При этом сам процесс проверки не очень-то сильно зависит от начальной догадки.

Многочисленные эксперименты доказывают, что наше сознание при любой операции неизбежно порождает смыслы, *конструирует* их, а не находит их в окружающем мире. В реальном мире нет никакого смысла: ни мудрого, ни глупого, ни абсурдного, ни трагического... Сознание человека, и только оно, наделяет мир смыслом, творит осмысленную, одухотворенную жизнь [5].

В этом же заключается взаимодействие сознания с бессознательным. Пытаясь проникнуть в неосознаваемые тайники души человека, оно наделяет смыслом все непонятные проявления. З. Фрейд своим важнейшим открытием считал то, что ему удалось

обнаружить смысл таких явлений, как невротические симптомы, сны, озарения, остроты, ошибки, свободные ассоциации и т. д. Он рассматривал их как своеобразные знаки, замещающие вытесненные переживания и представляющие (репрезентирующие) их в сознании и поведении. Все они являются искаженным выражением бессознательных процессов, благодаря которым (по Фрейду) можно понять смысл происходящего на неосознаваемом уровне психики (души).

§ 3. Неосознаваемые источники сверхсознания

Многочисленные трактовки термина «бессознательное» можно разделить на три концептуальных кластера [127]:

— бессознательное как антитезис сознания;

— бессознательное как совокупность процессов, протекающих вне сознания, помимо его контроля;

— бессознательное как специфический функциональный компонент психики, по своей семантической модальности гомологичный сознанию.

Обычно под бессознательным понимают такую форму отражения человеком действительности, при которой не отдается отчет в совершаемых действиях, утрачивается полнота ориентировки во времени и месте действия, нарушается речевое регулирование поведения.

В. Н. Дружинин, рассматривая концепцию бессознательного, отмечал, что кроме бессознательного 3. Фрейд предлагал выделять предсознание, подсознание и сверхсознание [38].

А. Г. Асмолов [13] выделяет четыре особых класса проявлений бессознательного:

а) надындивидуальные надсознательные явления;

б) неосознаваемые побудители поведения личности (неосознаваемые мотивы и смысловые установки);

в) неосознаваемые регуляторы способов выполнения деятельности (установки и стереотипы);

г) неосознаваемые резервы органов чувств (подпороговые субсенсорные раздражители).

Первый класс надындивидуальных надсознательных явлений предстает во всех направлениях, затрагивающих проблему передачи опыта человечества из поколения в поколение. Для описания этих явлений использовались такие понятия, как «врожденные идеи» (Р. Декарт), «архетипы коллективного бессознательного» (К. Юнг), «космическое бессознательное» (Судзуки), «космическое сознание» (Э. Фромм), «Бессознательное как речь Другого» (Ж. Лакан), «коллективные представления» (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль), «бессознательные структуры» (К. Леви-Стросс, М. Фуко) (по [13]).

Все указанные авторы в качестве точки отсчета избирают отдельного индивида. Принципиально иной подход предлагал В. И. Вернадский, видевший источник появления нового пласта

реальности в коллективной бессознательной работе всего человечества. Он считал, что биосфера под влиянием человеческого труда и научной мысли переходит в новое состояние — в ноосферу. Надсознательные явления, но мнению А. Г. Асмолова, представляют собой усвоенные субъектом образцы типичного для данной общности поведения и познания, влияние которых актуально, но не осознается субъектом и не контролируется им. Эти образцы, усваиваясь через механизмы социализации (подражание и идентификация), определяют особенности поведения субъекта именно как представителя данной социальной общности.

Ко второму классу относятся неосознаваемые побудители деятельности личности, которые являются центральным предметом исследования в традиционном психоанализе. Они выступают в виде неосознаваемых мотивов и смысловых установок личности, то есть побуждений и нереализованных предрасположенностей к действиям, обусловленных тем желаемым будущим, ради которого осуществляется деятельность.

О существовании этого класса явлений стало известно благодаря исследованиям отсроченного постгипнотического внушения, проводившимся, в частности, И. Бернгеймом в Нанси (Франция) в XIX веке. Испытуемому, погруженному в гипнотическое состояние, внушалось, что он должен ровно через час после выхода из гипнотического состояния сделать определенное, хотя и странное действие (например, публично принять какую-нибудь странную позу). Одновременно внушалось, что об инструкции он

должен забыть. После выхода из гипноза испытуемый в течение часа вел себя совершенно естественно, а перед наступлением заданного ему срока начинал проявлять некоторое беспокойство, но в нужный момент принимал позу, определенную для него экспериментатором. При этом, не зная подлинных причин своего нелепого поступка, он все-таки находил в сознании оправдание своим действиям. Например, он говорил: «В книге «Остров сокровищ» скелет стоял в очень странной позе — я вам сейчас ее покажу». То есть сам испытуемый был полностью уверен, что принял эту позу только потому, что вспомнил соответствующий эпизод из книги, но наблюдатели знали, что именно эта поза была задана экспериментатором [5, с. 170].

3. Фрейд в свое время перевел две книги И. Бернгейма и сам наблюдал подобные эксперименты в Нанси в 1889 г., сделав позднее логичный вывод: человек всегда объясняет свое поведение, но не всегда то, что его сознанию кажется искренним объяснением своего поступка, в действительности соответствует его реальной причине [5, 171]. Объясняя природу этих явлений, он ввел понятие «динамическое вытесненное бессознательное». Именно эти явления образуют сферу бессознательного, проявляющуюся в непрямых символических формах: сновидениях, юморе, забывании имен и намерений, обмолвках, ошибках и т. п. При этом нежелательные элементы бессознательного в поведении устраняются лишь в том случае, если вызвавшее их событие переживается личностью совместно с другим человеком (например,

в психоаналитическом сеансе) или с другими людьми (в групповой психотерапии), а не только узнаются ею. То есть, эффективная коррекция душевного состояния и поведения человека возможна лишь в тех случаях, когда происходит эмоциональная интеграция, психологическое слияние взаимодействующих людей в одно целое и наполнение неосознаваемых прежде мотивов и установок личностными смыслами. Чисто вербальные (словесные) односторонние воздействия доморощенных «психоаналитиков» оказываются неэффективны, так как смысловые образования нечувствительны к вербальным воздействиям, несущим чисто информационную нагрузку [5].

Люди по-разному решают проблему душевной саморегуляции нежелательных проявлений бессознательного. Одни не обращают на них никакого внимания, так же как и на окружающих. Живут, как живется, не обременяя себя извечными проблемами осознания бытия. Другие пытаются спрятаться от себя и окружающего, погрузившись в разгульную жизнь. Третьи посвящают свою жизнь друзьям или отдают всего себя семье. Четвертые погружаются в работу, хобби, творчество. Те же, кому тот или иной способ реализовать не удается, обращаются к психологам, психотерапевтам или психоаналитикам.

Интересно, что многие крупные художники слова имели четко отрицательное отношение к психоанализу. Так, известны многочисленные нападки В. Набокова на венскую школу (основанную З. Фрейдом). Рильке, в ответ на предложение Лу Андрее-

Заломе (подруги Ницше, Рильке и Фрейда) пройти курс вошедшего в моду психоанализа, написал в письме от 24 января 1912 г., что это было бы возможно только в том случае, если бы он больше ничего не писал. Фактически так же считала Анна Ахматова, которая на вопрос В. В. Иванова о причинах ее враждебного отношения к психоанализу, ответила, что если бы она прошла курс психоанализа, то искусство для нее было бы невозможно.

В. В. Иванов видит причину такого отношения поэтов к психоанализу в интуитивном понимании ими необходимости снятия или хотя бы торможения цензуры левого полушария (которую фактически устанавливает психоанализ), для усиления обеспечения творческой образной деятельности [46, 168–174.].

По существу, об этом пишет Марина Цветаева 14 августа 1918 года в четвертую годовщину начала Первой мировой войны и во время разгорающейся еще более страшной для Отечества — Гражданской [120]:

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: — Откуда мне сие?
Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

К третьему классу проявлений бессознательного А. Г. Асмолов относит неосознаваемые операциональные установки и стереотипы, возникающие в процессе решения различных задач (перцептивных, мнемических, моторных, мыслительных) и обусловленные неосознанно предвосхищаемым образом событий и способов действий. К этому классу относится то, что Г. Гельмгольц называл «бессознательными умозаключениями», З. Фрейд — «предсознательным», Дж. Брунер — «гипотезой», И. П. Павлов — «динамическим стереотипом», П. К. Анохин — «акцептором действия».

Функция этих проявлений бессознательного в том, что человек может одновременно перерабатывать информацию о действительности на нескольких уровнях и «делать семь дел сразу». Клапаред сформулировал следующий закон осознания: чем больше мы пользуемся тем или иным действием, тем меньше мы его осознаем. Но как только на пути привычного действия появляется препятствие, так возникает потребность в осознании. Так, опытный водитель даже в большом городе в час пик может вести достаточно непринужденную беседу с пассажирами, по, попадая в нестандартную критическую ситуацию, он вынужден отключиться от беседы, сосредоточиться на поисках решения проблемы и, в случае необходимости, даже начать сознательную борьбу с собственными стереотипными реакциями. Например, во время заноса на скользкой или сыпучей дороге на классическом заднеприводном автомобиле необходимо выработать навык вращения рулевого колеса именно в сторону заноса, но на появившихся

в последние десять-пятнадцать лет переднеприводных автомобилях в аналогичной ситуации требуется действовать с точностью до наоборот, иначе авария неизбежна. Сегодня, когда порой в течение одного дня водителю приходится неоднократно пересаживаться с одного тина автомобилей на другой, а состояние и дорог, и машин нередко далеко от идеального, от способностей водителя сознательно управлять своими автоматизмами и динамическими стереотипами часто зависит жизнь его и окружающих.

Этот класс бессознательного напрямую связан с проблемой произвольной (сознательной) регуляции высших форм поведения и автоматизации внешней и внутренней деятельности.

Четвертый класс неосознаваемых резервов органов чувств связан с проблемой поиска диапазона чувствительности. При анализе порогов ощущения еще И. С. Сеченовым, Г. Т. Фехнером и др. были выявлены факты воздействия на поведение человека таких раздражителей, о которых он не мог дать отчета.

В наше техногенное время люди все чаще сталкиваются с такими явлениями не только в лабораториях, но и в обыденной жизни. Особенно остро это проявилось после Чернобыльской трагедии. Радиация не ощущается людьми, но весьма существенно влияет не только на их физическое, но и на психическое самочувствие.

К другим аспектам неосознаваемых подпороговых раздражителей относятся феномены «предвнимания» (У. Найссер), обеспечивающие приспособительную реакцию на те или иные нераспознанные изменения ситуации. Это так называемое «шестое чув-

ство» (что-то остановило, что-то толкнуло, что-то подсказало и т. п.), с помощью которого бессознательное, опираясь на резервные возможности организма, выполняет адаптивную функцию.

Этот класс неосознаваемых резервов органов чувств напрямую выходит на эффекты экстрасенсорики и так называемых парапсихологических или «пси-явлений», к которым относят как неопровержимые, так и спорные факты, такие, как «кожное зрение» — видение с помощью кожных покровов, разных частей человеческого тела; биолокация (лозоискательство) — отыскание с помощью вспомогательного индикатора (лозы, металлической рамки) скопления подземных вод, металлов, пустот и т. п.; ясновидение — получение знаний об объективных событиях внешнего мира, не основанных на работе известных органов чувств; «интроспекция» (визуальное наблюдение объектов, явлений и процессов в теле человека с помощью мысленного видения); ретроспекция (способность видеть и точно описывать прошедшие события, свидетелем которых ретроспектор не являлся); телепатия, «психометрия» (получение любой информации с человеке при исследовании какого-либо предмета типа куска сахара или фотографии), «мысленные фотографии» (изображения, которые экстрасенс мысленно воспроизводит на фотопленке) и др.

Эти явления требуют отдельного рассмотрения, что выходит за пределы данной работы. В настоящее время существует уже немало не только спекулятивных, по и серьезных научных публи-

каций, в которых паранормальные и экстрасенсорные явления рассматриваются достаточно подробно [40;58;119].

§ 4. Сверхсознание как осознание бессознательного

В изложенной концепции А. Г. Асмолова о четырех классах неосознаваемых явлений оказались лишь те явления, которые фактически можно отнести к подсознанию. Но к неосознаваемым явлениям также относится очень важная группа бессознательных явлений, названная П. В. Симоновым «Сверхсознание». Известный физиолог, специалист в области экспериментальной нейрофизиологии эмоций и мотивации П. В. Симонов рассматривает психику как трехзвенную структуру: «Подсознание», «Сознание», «Сверхсознание».

При внешней идентичности трехзвенной структуре психики, предложенной 3. Фрейдом, содержание «Подсознания» и «Сверхсознания» по Симонову существенно отличается от «Id» (Оно) и «Super Ego» (Сверх-Я) Фрейда.

П. В. Симонов к сфере Подсознания, опираясь на классиков (в частности, на высказывание Л. Н. Толстого: «Совесть — есть память общества, усвоенная отдельным лицом»), относит не только все то, что было осознаваемым в определенных условиях, включая хорошо автоматизированные навыки и мотивационные конфликты, тягостные для субъекта, но и то, что 3. Фрейд относит к «Сверх Я», то есть, глубоко усвоенные социальные нормы, включая «голос совести», «зов сердца» и «веление долга» [86].

Сверхсознание, по Симонову, не осознается ни при каких условиях. В сознание переходят лишь результаты деятельности Сверхсознания, к сфере которого относятся первоначальные этапы всякого творчества — порождение гипотез, догадок, творческих озарений. «Если Подсознание защищает Сознание от излишней работы и психологических перегрузок, то неосознанность творческой интуиции есть защита от преждевременного вмешательства сознания, от давления ранее накопленного опыта», — говорит П. В. Симонов и продолжает: — «Без этой защиты здравый смысл, очевидность непосредственно наблюдаемого и догматизм прочно усвоенных норм душили бы «гадкого утенка» смелой гипотезы в момент его зарождения, не дав ему превратиться в прекрасного лебедя будущих открытий. Поэтому за дискурсивным мышлением оставлена функция вторичного отбора порождаемых сверхсознанием гипотез сперва путем их логической оценки, а затем в горниле экспериментальной практики» [87].

Сверхсознание, основываясь на материалах и сознания, и подсознания, по совершенно неосознаваемым законам, производит первичный отбор возникающих вариантов решения проблемы и преподносит сознанию только те из них, которые с наибольшей вероятностью соответствуют реальности. Как считает П. В. Симонов, именно поэтому «самые «безумные идеи» ученого принципиально отличны от патологического безумия душевнобольных и фантасмагории сновидений» [87]

Об этом же точно сказала А. Ахматова:

Когда б вы знали, из какого сора

Растут стихи, не ведая стыда...

Несмотря на глубокий интерес к содержанию и взаимодействию сознательного и бессознательного, исследователи еще далеки от понимания их сущности и механизма функционирования. Как сказал Ф. В. Бассин, «Бессознательное — это... мятежный, не покорившийся сознанию и потому «заточенный» обитатель «глубин души» [16]. Но это же самое фактически относится и к самому сознанию, которое до сих пор «не покоряется» осознанию самого себя, а потому также оказывается «заточенным обитателем глубин души». И лишь сверхсознание — третья и важнейшая часть души, озаряющая ее глубины, — дает человеку надежду на постижение величайшей тайны — собственной души.

Сверхсознание выполняет функцию перевода значимого бессознательного в осознаваемое. Но существу, значение накопленного в бессознательном осознается лишь тогда, когда происходит процесс означивания — маркировки того» что необходимо человеку для дальнейшего осмысления или деятельности. Наиболее распространенное и эффективное средство означивания — это образы. Они являются важнейшим продуктом сверхсознания и создают основу сознания. Очень точно сказал В. В. Давыдов: «Сознание — это воспроизведение человеком идеального образа своей целеполагающей деятельности и идеального представительства в ней позиции других людей» [26]. Воспроизведение идеально-

го образа производится с помощью речи, символов, знаков, изображений, которые сознание наделяет определенным значением.

Выбор значения — это практически всегда выбор. Он зависит, с одной стороны, от особенностей самого осознаваемого явления, с другой — от особенностей осознающего и, прежде всего, от его сознания. Например, если речь идет об образе ребенка, то этот образ зависит: во-первых, от особенностей самого отображаемого ребенка (велик или мал, мальчик или девочка, умен или глуп, толст или худ, друг или враг и т. п.); во-вторых, от особенностей отражающего (ребенок или взрослый, чужой или родственник, педагог или милиционер, мужчина или женщина, умен или глуп, друг или враг и т. п.). Даже в одни и те же слова при описании образа различными людьми может вкладываться различный смысл. Значение слов напрямую зависит от того, в каком кругу и в каких целях оно определяется. Э. Сепир так выражает эту мысль: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [84, 261.].

В данном случае речь идет не только о словах, как средствах обозначения сути предметов и явлений, а в целом — об отражении в языке устойчивых связей между осознаваемым явлением **и его** обозначением, ведь язык — это не что иное, как система знаков.

Сознание — это не только «функция высокоорганизованной материи — мозга человека», это непрерывный процесс взаимо-

действия мысли, деятельности и общения человека, позволяющий ему наиболее эффективно функционировать. В течение жизнедеятельности человека сознание не остается неизменным, оно практически постоянно трансформируется.

В соответствии с концепцией Д. Б. Эльконина о ведущих видах деятельности, можно считать, что в разные периоды жизни человека, различные виды деятельности становятся ведущими в развитии сознания человека. Соответственно, в период взрослости именно профессиональная деятельность оказывает решающее влияние на трансформацию сознания. Следовательно, можно говорить о профессиональном сознании, которое, с одной стороны, обладает типичными для представителей одной профессии особенностями, а с другой стороны - обеспечивает специфическое, отличное от представителей других профессий, своеобразие сознания профессионалов.

§ 5. Структура массового профессионального сознания

Исследование проблемы массового профессионального сознания, то есть типичного для представителей профессионального сообщества взгляда на окружающее, порой, даже не связанного с их профессиональной деятельностью, фактически началось с анализа проблемы педагогического сознания, который встречается еще в первой половине XIX в работе А. Дистервега «О самосознании учителя». А. Дистервег, помимо общечеловеческого со-

знания, выделяет национальное и профессиональное сознание, рассматривая его на примере сознания учителя.

Раскрывая содержание этого понятия, он включает в него: высокую оценку значения и достоинства учительского труда; любовь к детям и дружеские отношения с их родителями; взаимоуважительные отношения с начальниками; товарищеские отношения с коллегами; сознавание необходимости самосовершенствования, пополнения своих знаний и умений; активное участие в событиях своего времени (или, как совсем еще недавно, любили говорить: «активная жизненная позиция»); осознание себя членом своей нации; глубокую убежденность в своих учительских силах и возможностях.

В наше время был предпринят специальный комплексный анализ понятия «педагогическое сознание». Функциональное определение этого понятия дано И. Я. Лернером, в понимании которого педагогическое сознание предстает как «совокупность педагогических идей, целевых установок, ставших ориентиром и инструментом педагогической деятельности... Оно служит парадигмой, под углом зрения которой человек воспринимает, осмысливает, оценивает получаемую извне педагогическую ин4юрмацию и осуществляет, подчас непроизвольно, свою деятельность...» [49, 53].

И. Я. Лернер выделяет регулирующую, эвристическую, моделирующую и прогнозирующую функции педагогического сознания; говорит о необходимости обеспечения единства интел-

лектуальных, эмоциональных и практически-действенных факторов в процессе формирования педагогического сознания; различает понятия «педагогическая культура», «педагогическое мышление» и «педагогическое сознание», считая при этом, что педагогическое сознание значительно сложнее педагогическою мышления по содержанию и его организации [49, 53–58].

Как уже отмечалось выше, психологическое исследование профессионального сознания было осуществлено Г. В. Акоповым и Д. В. Ронзиным. Так, Г. В. Акопов пишет: «В компонентной структуре сознания наиболее просто решаются вопросы профессионализации элементов. Можно говорить о профессиональном внимании, памяти, аффекте, перцепции, воле, мышлении и т. д.» [1, 7].

Затем, констатируя, что путь профессионализации сознания при помощи влияния на его компоненты не является оптимальным, поскольку в этом случае целое распадается на части, он выделяет основные функции сознания, так как только таким путем удается удержать целое в процессе анализа.

Далее Г.В. Акопов выделяет систему атрибутов сознания, соответствующую по функциональному признаку структуре профессионального сознания, и включает в нее: «...отношение, познание, целеполагание, планирование, прогнозирование, «образное» конструирование и самосознание» [1, 7].

Один из частных выводов исследования Г. В. Акопова свидетельствует о том, что эмпирическая картина содержания про-

фессионального сознания оказалась инвариантной по своей структуре относительно этапов профессиональной подготовки.

Как мне кажется, наиболее глубокий и тонкий анализ профессионального сознания проделал Д. В. Ронзин, который пришел к выводу о том, что существует несколько типов профессионального сознания.

Анализируя проведенные в рамках психологии обучения Н. А. Менчинской и под ее руководством (1958, 1961, 1965, 1966) исследования, в которых был выявлен феномен «слоеного пирога» (суть которого в том, что знания общие (научные) и конкретные (житейские) сосуществуют параллельно и вне всякого взаимодействия друг с другом), и развивая выводы данных исследований о том, что обучать надо не только научным знаниям, но и способам применения этих знаний, Д. В. Ронзин делит психические процессы на «обеспечивающие *понимание* теоретических («абстрактных», обобщенных) знаний...» и обеспечивающие *«...применение этих* знаний при решении практических задач», в работах, выполненных В. В. Давыдовым (1972) и его сотрудниками, объясняется природа таких различий в психических процессах. Сущность их в различии процессов усвоения теоретических понятий и эмпирических знаний. В процессе усвоения теоретических понятий субъект совершает действия, преобразующие изучаемый объект, и в ходе этих действий улавливает его сущность, отражает в сознании закономерности его изменения и развития. В процессе же усвоения эмпирических знаний субъект совершает

действия, классифицирующие изучаемые предметы по внешним (для учащихся) признакам, и не связывают их с внутренними преобразованиями объектов.

Опираясь на работы Н. А. Менчинской, В. В. Давыдова и др., направленные на изучение особенностей и механизмов мышления, Д. В. Ронзин в ряде своих публикаций (1977, 1987, 1991) выделяет и анализирует две основные функции знаний: репрезентативную и регуляционную; при этом он отмечает, что качество знаний (в том числе и существующих в виде мысленных образов) — это не только яркость, полнота или правильность, это и *«уровень психологической организации».*

Выделяя уровни образов, отдельных предметных отношений и систем отношений (понятий), Д. В. Ронзин считает, что близость знаний к уровню систем понятий предоставляет больше возможностей в осуществлении безупречных выводов и переносов результатов без специального предметного преобразования объектов. Близость знаний к уровню образов приводит к увеличению количества логических ошибок, но дает и больше возможностей индивидуализации познавательного процесса и обнаружения нового знания. Он приходит к следующему заключению: «Действия абстрактные, отвлеченные требуют знаний в форме понятий, действия конкретные, предметно развернутые требуют знаний на уровне образов и отдельных предметных отношений» [80, 9].

В работах Д. А. Ошанина (1970, 1973) и других авторов отмечается различение знаний на опознающие, позволяющие выде-

лить объект среди других, и на оперативные, при помощи которых осуществляется манипулирование этим объектом.

Различие технических и теоретических знаний подчеркивается К. К. Гомоюновым (1989). Он отмечает, что в технических науках мысленные модели объективируют в форме явных изображений, а в физике они актуализируются в виде формул и уравнений.

Анализируя роль этих теоретических и оперативных знаний, Д. В. Ронзин высказывает справедливое мнение о принципиальном различии целей преобразующей исследовательской деятельности ученого, направленной на познание, и преобразующей практической деятельности педагога, направленной на развитие.

Основываясь на анализе различий когнитивной, аффективной и конативной сторон профессионального сознания, он приходит к выводу о том, что существуют, как целостные психологические образования, два вида профессионального педагогического сознания: профессиональное сознание педагога-практика (учителя) и профессиональное сознание педагога-исследователя (ученого).

В психологии труда и инженерной психологии (Е. А. Климов, Б. Ф. Ломов, В. Ф. Венда и А. И. Нафтульев, А. И. Галактионов и В. Н. Янушкин и др.) проведены значительные исследования, которые могут существенно продвинуть решение указанных проблем.

Опираясь на работы из области общей педагогики, педагогической психологии, психологии труда и инженерной психологии, Д. В. Ронзин формулирует понятие профессионального педагогического сознания учителя (педагога-практика). По своему содержа-

нию оно соответствует традиционному пониманию сознания (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский) и трактуется как «целостная система осознанных, профессионально необходимых обобщенных и оперативных знаний о целях и средствах, планах и программах педагогической деятельности и педагогического общения, объектах и субъектах педагогического взаимодействия, включающая в себя осознанные профессионально значимые ценности: система, на основе которой осуществляется как оперативная саморегуляция педагогом своей профессиональной активности, так и долговременное планирование им профессионального пути» [80, 8].

В качестве структурных элементов профессионального сознания Д. В. Ронзин выделяет четыре блока: блок профессиональных ценностей, блок концептуальных моделей процесса профессиональной деятельности, блок программ действий, блок профессионального самосознания [81, 9]. При этом он отмечает: «Важнейшими феноменами профессионального сознания учителя являются оперативные модели: учебного процесса как функционирования целостной педагогической системы; ученика, учителя, родителей ученика, коллектива класса и других субъектов педагогического процесса и составляющих педагогической системы» [484, с. 19].

Тем самым он подчеркивает важнейшее значение различных систем образов, поскольку «оперативные» и «концептуальные» модели — это не что иное, как синонимы понятия «образ». Как

отмечает Е. А. Климов, «Образ в психологическом смысле — это субъективная модель чего-либо» [252, с. 33].

Анализируя роль образа мира в разнотипных профессиях, Е. А. Климов проводит прямую параллель между образом и концептуальной моделью: «Немалый и психологически ценный материал об образах, регулирующих деятельность людей, ... «закодирован» под термином «концептуальная модель» (читайте: «образ...») [251, с. 43].

К основным группам психических регуляторов Е. А. Климов относит [251. с. 35]:

1. Образ объекта (предмета труда, внешних средств, условий и проявлений трудовой деятельности):

— чувственный образ (сенсорный, перцептивный);

— репрезентативный конкретный образ (представления памяти, воображения);

— репрезентативный отвлеченный образ (понятия, схемы, системы понятий, усвоенные алгоритмы действий).

2. Образ субъекта:

— актуальный «Я-образ» (знание о своем функциональном состоянии в данный момент, своем месте в системе межлюдских отношений, своих возможностях и ограничениях);

— обобщенный «Я-образ «(«Я-концепция» - Я в прошлом, Я ныне, Я в будущем; Я среди других, Я как представитель профессиональной общности, Я как организм, как индивидуальность, как член общества).

3. Образ субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений:

— потребности, потребностные состояния;

— эмоции, чувства, эмоциональные отношения;

— характер как свойственная человеку система устойчивых отношений к разным сторонам действительности;

— направленность личности, мировоззрение.

Разделяя выводы Е. А. Климова и Д. В. Ронзина, я считаю, что педагогическое сознание включает в себя:

а) совокупность **образов субъектов** деятельности: *образы людей* (реальных и «эталонных», причем это могут быть очень разнообразные «эталоны»: как «хороших», так и «плохих»; как мужского, так и женского пола; как детей, так и взрослых и т. д.);

б) совокупность **знаний и представлений** о *способах, приемах и методах профессиональной деятельности* (или, по Е. А. Климову, репрезентативные отвлеченные образы);

в) систему *общечеловеческих* и *профессиональных* **ценностей, целей и планов деятельности,** которые, в свою очередь, можно подразделить на *стратегические, тактические* и *оперативные* (но Е. А. Климову: образы субъектно-объектных и су бъектно-субъектных отношений);

г) систему **отношений, эмоций и чувств** (также **образы субъектно-**объектных и субъектно-субъектных отношений).

Анализ литературы и конкретного содержания профессиональной деятельности и профессионального сознания позволяет

сделать вывод о том, что **образ человека** является стержнем сознания профессионала. Но очень мало доступных и эффективных методик, позволяющих выявить содержание и структуру образов, складывающихся в сознании человека.

Это связано, прежде всего, с неоднородностью самого содержания образов. Они являются специфическим сплавом отражения реального объекта, воспринятого субъектом, и предшествующего собственного субъективного опыта восприятия подобных объектов и взаимодействия с ними.

Эффективность профессиональной деятельности весьма существенно зависит от полноты и точности представлений профессионала об объекте его деятельности. В профессиях типа «человек-человек» таким объектом является другой человек, т.е. объект деятельности сам является субъектом, наделенным сознанием и саморегуляцией своей, нередко трудно предсказуемой деятельности.

Когда наши представления о таком субъекте не подкрепляются его реальным поведением — мы, как правило, пытаемся изменить его поведение, его самого, но отнюдь не свои представления о нем и о том, каким должно быть его поведение. То есть образ объекта воздействия оказывается гораздо менее динамичным, чем способы воздействия на него.

Кроме того, от когнитивного, аффективно-оценочного и конативного (поведенческого) содержания его системы образов объекта воздействия прямо зависят все остальные составляющие профессионального сознания конкретного профессионала: а) Я-образ, об-

разы коллег, администрации и общественности; б) совокупность знаний и представлений о способах, приемах и методах профессиональной деятельности; в) система общечеловеческих и профессиональных ценностей, целей, мотивов и планов деятельности; г) система отношений, переживаний, эмоций и чувств.

Таким образом, именно он — образ человека, является центром, краеугольным камнем, без которого нет ни системы ценностей-целей профессиональной деятельности, ни самой этой деятельности, ни переживаний по ее поводу.

Следовательно, понятие образа человека является одним из ключевых в структуре понятий, определяющих содержание профессионального сознания» [111].

§ 6. Гендерная идентичность в сознании человека

Термин «гендерная психология» произошел от английского «gender psychology», что означает: «психология пола». Не случайно одна из статей И. С. Клёциной — крупнейшего в России специалиста по социальной психологии пола — гендерной психологии называется: «От психологии пола — к гендерным исследованиям в психологии».

Этот термин — «гендерная психология» был предложен американским психологом Джоном Мани, специализировавшимся на проблемах биологии пола и сексуальной идентичности, утверждавшим, что гендер является приобретенным, а не врожденным явлением. Джон Мани предложил так же термины «гендерная

идентичность», «гендерная роль» и «сексуальная ориентация». В историю психологии он вошел своим жестоким экспериментом по принудительной хирургической смене пола одного из близнецов, родившихся в 1965 году в Канаде и дальнейшему многолетнему исследованию сексуального развития этих братьев, одного из которых превратили в девочку. Результаты этого эксперимента он, исходя из своей теории гендерной нейтральности детей при рождении, систематически описывал как успешное женское гендерное развитие ребенка, родившегося мальчиком, доказывая тем самым возможность смены пола и хирургической реконструкции уже в раннем детстве.

Не смотря на утверждения Дж. Мани об успешности этого эксперимента результат оказался плачевным. Живя и воспитываясь как девочка, ребенок так и не идентифицировал себя с навязанной ему ролью, ни женская одежда, ни гормоны, которые он вынужден был принимать с самого раннего возраста, не позволили ему чувствовать себя женщиной и в 14 лет родители рассказали ему правду, после чего он решил называть себя не Брендой, а Девидом и прошел хирургические и гормональные процедуры, чтобы вернуть себя к своему полу, полученному с рождения. В мае 2004 года, после многолетней тяжелейшей депрессии Девид Реймер покончил жизнь самоубийством. Многие специалисты справедливо обвинили Дж. Мани в том, что его подделанные результаты эксперимента способствовали распространению предложенной им практики на тысячи младенцев.

Сегодня гендерное направление психологических исследований стало одним из наиболее активных направлений в научной психологии. Достаточно сказать, что лишь на один конкретный запрос: «гендерные особенности службы в полиции» поисковая система «Яндекс» выдает более пяти миллионов ссылок, так что один только просмотр их кратких описаний займет немало времени. Конкретизация запроса: «гендерные особенности образа сотрудников полиции» так же актуализирует более пяти миллионов ссылок на диссертации, статьи и тексты, посвященные этой проблематике.

Проблема психологических различий между мужчинами и женщинами давно привлекает внимание исследователей, в том числе и психологов. Традиционный анализ половых различий сводился к демонстрации и доказательству характерных отличий мужской и женской природы, при замалчивании возможной близости некоторых психологических и поведенческих реакций у мужчин и женщин. Позиция психологов часто обусловлена глубоко укоренившимся представлением, что признак пола — это обязательное различие не только на уровне проявлений человека как индивида, но и на таких уровнях, как личность, субъект деятельности, индивидуальность.

Сегодня основными понятиями в области полоролевой социализации, по мнению И. С. Клециной, являются: «гендерная идентичность», «гендерная роль», «полоролевая ориентация», «полоролевые предпочтения».

Процесс полового самоопределения происходит в ходе формирования с раннего возраста системы гендерной идентификации. Настройка и подстройка полового самоопределения личности происходит на протяжении всей жизни человека при взаимодействии и активном взаимовлиянии шести групп образов, включающих образы людей своего и противоположного пола: образы-эталоны (образы взрослых в сознании детей и образы-идеи людей определенного пола), образы-ориентиры (образы-перспективы тех, кто старше и образы-ретроспекции тех, кто младше), образы-отражения (Я-образы и образы сверстников).

На этот процесс формирования гендерной идентичности оказывает влияние не только рефлексия, самооценка личности в процессе жизнедеятельности, общения с окружающими, обучения и профессиональной деятельности, но и средства массовой информации, формирующие социальные стереотипы, моду и социальные установки, прежде всего в интересах властей и финансового капитала.

Поскольку пол является одной из ключевых характеристик личности, традиционно вполне конкретно и четко делившей людей на две взаимосвязанные группы, то в процессе развития цивилизаций формировались достаточно устойчивые половые стереотипы.

Традиционно служба в органах внутренних дел была сугубо мужским делом. Пожалуй, лишь во время Великой отечественной, когда многие мужчины оказались на фронтах, их место и в милиции

нередко занимали женщины. К окончанию войны, в 1945 года в милиции СССР было более двадцати тысяч женщин, из них боле девяти тысяч являлись офицерами. Но после окончания боевых действий ряды женщин в советской милиции существенно поубавились. И это никого не удивляло, т. к. с древних времен в сознании людей разных народов складывались гендерные стереотипы, распространявшиеся на служебную деятельность в силовых структурах.

В наше время отмечается резкий слом гендерных стереотипов, проявляющийся и в этой сфере. Количество женщин в органах полиции существенно выросло, что, пожалуй, особенно отчетливо видно в вузах системы органов внутренних дел, где девушек на ряде факультетов существенно больше юношей. Не случайно еще в 2005 году И. А. Бобровой была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности «юридическая психология» на тему «Психологические особенности личности женщин-сотрудников органов внутренних дел МВД России». В 2020 году Е. М. Гончаровой защищена диссертация «Гендерные особенности проявления личностных качеств сотрудников полиции с разной профессиональной направленностью».

Глава 2. СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ОБРАЗЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

§ 1. Психологическое понятие образа

«Понятие образа является одним из центральных в психологии, поскольку именно образы, отражая объективную реальность, являются содержанием психики субъекта. Кроме широкого толкования этого понятия существуют и другие его значения. Так, например, нередко образ рассматривают как некий промежуточный или конечный результат познавательной деятельности, как продукт восприятия, памяти, мышления, воображения.

Экспериментальное изучение восприятия в конце девятнадцатого — начале двадцатого столетий привело к идее о том, что системная организация целого определяет свойства и функции образующих его частей. Сложилось целое направление, которое выдвинуло программу изучения психики с точки зрения гештальтов (образов), целостных структур, первичных по отношению к своим компонентам. Образ рассматривался как функциональная структура, которая по присущим ей законам упорядочивает многообразие отдельных явлений.

Такое толкование первоначально применялось к описанию психики, а затем распространилось на область физических, физиологических, социальных и других явлений [91, 223].

Серьезное внимание анализу влияния образов на поведение человека уделяли создатели теории субъективного бихевиоризма Д. Миллер, Ю. Галантер, К. Прибрам. Они определяли образ как «...все накопленные и организованные знания организма о себе самом и о мире, в котором он существует...» По их мнению, образ «...включает все, что приобрел организм, — его оценки наряду с фактами...» [75, 33].

Важность изучения проблемы образа и ее влияния на практическую деятельность подчеркивал Б. Ф. Ломов: «К числу важнейших проблем психологической науки принадлежит проблема образа. Ее разработка имеет исключительное значение для развития как общей теории психологии, так и теоретической базы специальных психологических дисциплин. Не менее актуальна она и для решения многочисленных практических задач, которые ставятся перед психологией» [66, 63]. Об этом же говорит и Е. А. Климов: «Одним из фундаментальных понятий психологии является «образ» (как отображение субъектом некоторой реальности, включая и самого субъекта). ...Образы самосознания человека (наряду с образами окружающего мира) — необходимая основа целесообразной регуляции, саморегуляции его трудовой деятельности и взаимодействия с окружающими людьми» [53, с. 32, с. 41].

Как правило, образ рассматривают в качестве носителя информации, и в связи с этим исследуется его гносеологическая функция, в первую очередь роль образов в зрительном восприятии, образной памяти, образном мышлении и воображении.

В то же время в психологической литературе достаточно часто встречается использование понятия «образ» и в несколько иных функциональных значениях, что позволяет сделать вывод не только о «многообразности, многокатегориальности и полимодальности» образов, но и об их полифункциональности, при этом «в образе осознается в первую очередь предметное содержание, соответствующее смысловой стороне стоящей перед субъектом задачи. Фоновые координации, реализуемые на более низких уровнях, не представлены в фокальной области сознания...» [88, 223].

Важнейшими, на мой взгляд, являются смыслообразующая, мотивирующая, прогностическая, регулирующая и корректирующая функции образа. Эти функции неоднозначно представлены в сознании человека.

В силу функциональной разноуровневости образа осознается обычно лишь его смыслообразующая функция, остальные же обычно остаются вне «фокуса сознания» исследователей.

Признавая огромную информационную емкость психических образов, психологи, в большинстве своем, ограничивают их изучение областью познавательных процессов. В то же время в современной психологии все чаще понятие образа применяется не только в узко когнитивном значении.

Так, в работах А. Н. Леонтьева (1975, 1979) была выдвинута гипотеза об «образе мира» как многомерном психологическом образовании. Понятию «образ мира» посвящен целый ряд работ (А. А. Гостев, 1992; В. П. Зинченко, 1983; В. В. Петухов, 1984; С. Д. Смирнов, 1981, 1983, 1985; В. В. Столин, А. П. Наминач, 1988; И. Б. Ханина, 1990 и др.).

Немало работ посвящено проблемам «Я-образа» личности (И. С. Кон, 1978, 1984; А. А. Реан, 1999, 2001; Е. И. Петанова, 2001; В. В. Столин, 1986; Е. Т. Соколова, 1989; С. А. Коньков, Е. Т. Соколова, 1994 и др.).

В условиях социальных и экологических катаклизмов появляются работы, посвященные травмирующим и коррекционным возможностям социально-перцептивных образов [66].

Формирование представления о человеке, как основная функция социальной перцепции, рассматривается в работах Б. Г. Ананьева (1935), Г. М. Андреевой (1980, 1997), А. А. Бодалева (1965, 1982), С. В. Кондратьевой (1984), О. Г. Кукосяна (1981), В. В. Куниciной (1968), В. Н. Панферова (1982), Л. А. Петровской (1981), А. А. Реана (1990) и др.

Е. А. Климовым разработана идея многомерности и многофункциональности образов, формирующихся у человека в течение его профессиональной жизнедеятельности, убедительно показано их влияние на становление профессионального сознания личности, проделан глубокий анализ литературы по проблемам роли психических образов в профессиональной деятельности [53].

Ценный психологический материал о содержании, структуре и механизмах образов, регулирующих трудовую деятельность людей, накоплен в работах по психологии труда и инженерной психологии (Н. Д. Завалова, Б. Ф. Ломов, В. А. Пономаренко, 1986; Е. А. Климов, 1971, 1991; 1995,1998, О. А. Конопкин, 1980; Б. Ф. Ломов, 1991; В. А. Пономаренко, С. В. Алешин, А. А. Ворона, 1986; Ю. К. Стрелков, 1990; Д. А. Ошанин, 1969, 1973; А. И. Худяков, 2000; В. Д. Шадриков, 1982 и др.).

Многомерность и многофункциональность образов, которые формируются у человека в течение его жизни, вызывает все больший интерес как ученых, так и практиков, поскольку ожидается, что понимание структуры образов, путей их образования и способов преобразования позволит выявить новые механизмы повышения эффективности деятельности и взаимодействия людей.

Почему же тогда, несмотря на важнейшее значение, образ ребенка в сознании педагога, его содержание и структура, практически не изучались? Частично на этот вопрос вполне конкретно и четко ответил в своей статье «Проблема образа в психологии» Борис Федорович Ломов: «По ряду причин, в первую очередь методического порядка...» [66, 68].

Действительно, как это ни странно, разработано множество методов и методик изучения различных составляющих ощущений, восприятия, памяти, мышления, воображения, внимания, воли, эмоций и т. п., но очень мало доступных и эффективных мето-

дик, позволяющих выявить содержание и структуру образов, складывающихся в сознании человека.

Чтобы лучше понять механизм взаимовлияния и взаимодействия социально-перцептивных образов необходимо прежде всего разобраться в самих этих понятиях, в их содержании и структуре.

Содержание фактически каждого образа отличается неоднородностью. Образы являются специфическим сплавом отражения реального объекта, воспринятого субъектом, и предшествующего собственного опыта субъекта по восприятию подобных объектов и взаимодействию с ними.

Предшествующий опыт формирует некоторые ожидания или, иначе говоря, идеалы, эталоны, которые, соединяясь с опытом, создают образ, более или менее совпадающий с реальностью. Но это совпадение никогда не бывает полным и абсолютно точным, так как образ -это лишь отражение реальности в сознании человека, а не сама реальность. Но, отразившись в сознании и зафиксировавшись в том или ином виде (в вербальном или визуальном изображении), образ сам становится реальностью, влияющей на последующее осознание действительности.

Создатель достаточно широко известной и активно применяемой во многих странах концепции трансактного анализа Э. Берн в своей работе «Введение в психиатрию и психоанализ...» справедливо подметил, что от того, насколько полно и точно образ соответствует реальности, как раз и зависит успешность человеческой деятельности.

Эффективность профессиональной деятельности также весьма существенно зависит от полноты и точности представлений профессионала, особенно от его представлений об объекте деятельности.

Эрик Берн говорил, что есть лишь два пути сближения реальности и ее отражения в сознании: либо изменить саму реальность, либо изменить образ ее. Причем он отмечал, что изменить реальность, казалось бы, гораздо сложнее, чем представления о ней, но люди упорно пытаются делать наоборот [20, 44–52].

Это, как и в педагогике: когда наши представления о ребенке не подкрепляются его реальным поведением — мы пытаемся изменить его поведение, его самого, но отнюдь не свои представления о нем и о том, каким должно быть его поведение.

В этом проявляется, не всегда осознаваемое, убеждение в собственной правоте и непогрешимости, так характерное для большинства педагогов, особенно по отношению к детям.

Любой психический образ представляет собой полиморфную, интегральную, многомерную и динамическую структуру. В обобщенном виде эта структура представлена на рисунке 1.

Как видно из рис. 1, структура образа зависит как от реальной структуры отражаемого объекта или явления, так и от субъективно приписываемых человеком, но реально не существующих черт, сторон, качеств этих объектов или явлений.

Как реальные, так и приписываемые компоненты образов, имеющихся у различных субъектов, могут быть типичными и ин-

дивидуальными, т. е. имеющимися в сознании либо многих, либо единичных субъектов. Анализируя как реальные, так и приписываемые реальности черты, можно выявить те из них, которые присутствуют в сознании постоянно, независимо от условий и причин их актуализации, и те, которые актуализируются ситуативно: одни в одних ситуациях, другие в других.

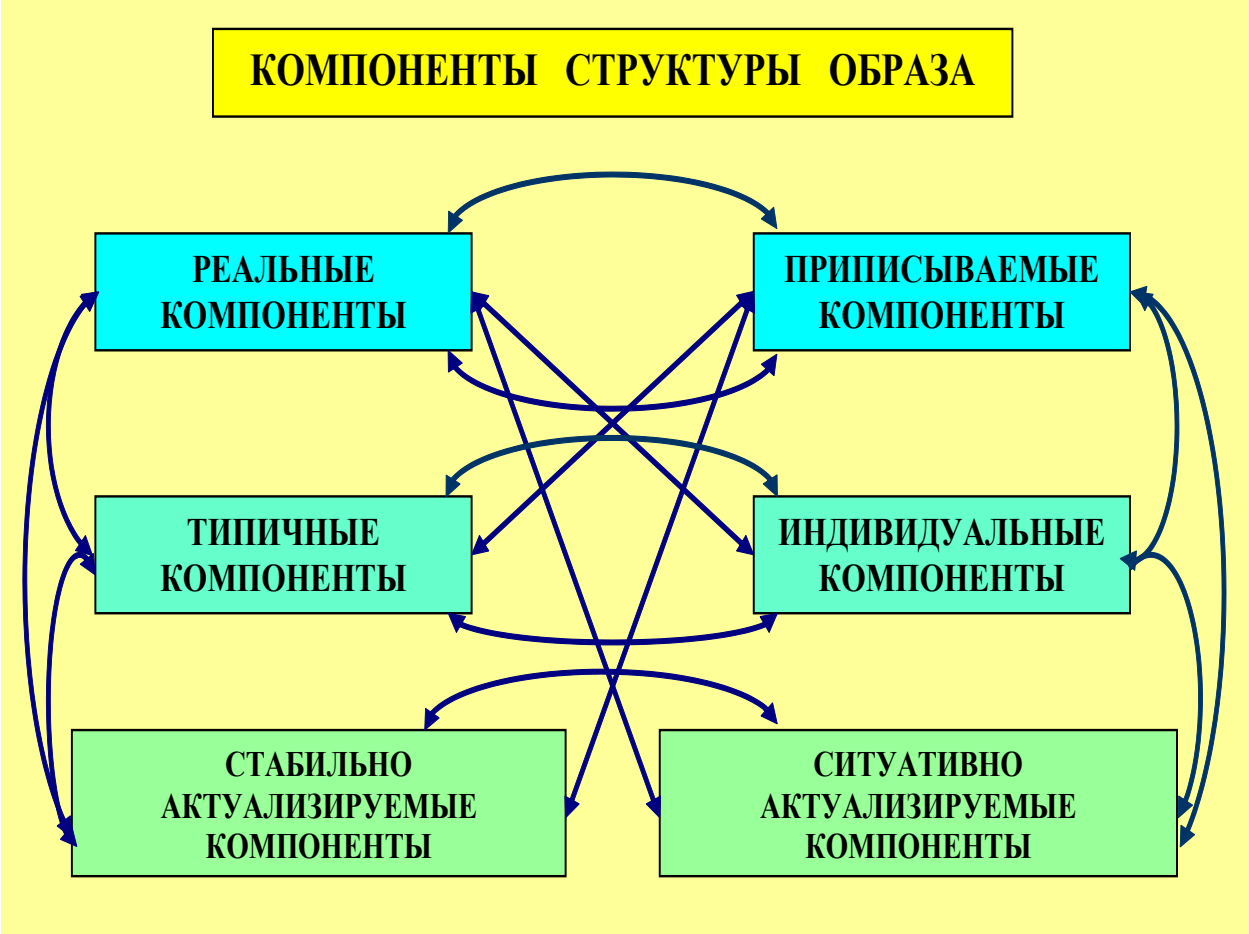

Рис. 1. Структура образа (Ситников В. Л. 2001)

Постоянные компоненты составляют основу, базовую структуру образа, а ситуативные определяют их временную динамику и зависят от условий и причин актуализации образов.

Структура субъективного образа представлена в сознании человека в «свернутом» виде и потому в реальной деятельности не осознается. Более того, в полном объеме не осознаются не только структура, но и сами образы. Регулятивная функция психики может осуществляться не только без участия образов, но даже и без участия сознания. Как отмечает В. М. Аллахвердов: «Очевидно, что, хотя сознание отражает окружающий мир и регулирует деятельность, но и отражение, и регуляция весьма эффективно осуществляются без всякого сознания» [Аллахвердов, 2000, с. 20]. Обобщая различные подходы к пониманию сущности сознания, он утверждает, что практически все научные психологические школы приходят к выводу о том, что работа самого механизма сознания не осознается. При этом у разных исследователей все чаще высказывается мысль, что этот механизм принимает специальное решение, что именно следует осознавать, а что — нет. «Акцент в описании работы психики и сознания все более переносится на информацию, получаемую по каналам обратной связи. Содержание сознания наполняется значениями и смыслами. Выясняется также, что обработка сознания происходит во многих каналах, обычно совершенно не зависимых друг от друга» [5, 21].

§ 2. Сознание и межличностное познание

Умение «разбираться в людях», воспринимать и понимать их личностные особенности является важнейшей функцией профессионального сознания. Очень часто эту функцию обозначают

термином «социальная перцепция». Понятие «социальная перцепция» было введено Дж. Брунером в 1947 г. Как отмечает Г. М. Андреева, первоначально этим термином обозначалась социальная детерминация перцептивных процессов, а затем стали называть процесс восприятия других людей, социальных групп, больших социальных общностей. Она замечает, что восприятие человека человеком относится к области социальной перцепции, но не исчерпывает ее: «...целесообразно говорить не вообще о социальной перцепции, а о межличностной перцепции, или межличностном восприятии.» При этом она уточняет, что ряд феноменов, имеющих место при формировании представления о другом человеке, не укладываются в традиционное описание перцептивного процесса, и, ссылаясь на А. А. Бодалева, предлагает в качестве более точного синонима употреблять выражение «познание другого человека» [8, 138–140]. Этого же мнения придерживается А. А. Реан: «...термин "познание" точнее очерчивает круг решаемых задач и актуальных проблем...» [93].

Одним из первых фундаментальных исследований в области социально-педагогической перцепции можно считать классическую работу Б. Г. Ананьева «Психология педагогической оценки», первое издание которой вышло в 1935 году. Но действительно массовый интерес психологов к изучению вопросов социальной перцепции, в том числе в области педагогики, проявился после выхода (ровно через тридцать лет) работы А. А. Бодалева «Восприятие человека человеком». Основу ее содержания состав-

ляли исследования, выполненные на педагогическом материале. С тех пор было проведено огромное число исследований в области социально-педагогической перцепции.

Как отмечает А.А. Реан (1990), накопленные социальной психологией и психологией личности данные о различных эффектах восприятия и механизмах понимания позволили глубже и точнее понять природу познания педагогами своих воспитанников.

Важное значение для понимания особенностей социальной перцепции имеют достаточно исследованные в социальной психологии понятия: *каузальная атрибуция, стереотипизация, проекция, децентрация, идентификация* и др.

Каузальная атрибуция заинтересовала психологов благодаря работам Ф. Хайдера (1958), последовательного сторонника гештальтпсихологии, автора теории структурного баланса, основателя общей когнитивной психологии. Как отмечают Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова и Л. А. Петровская [9, 103–110], свои идеи Ф. Хайдер никогда не разрабатывал специально для социальной психологии. Суть его основной идеи в том, что, развивая упорядоченный и связный взгляд на мир, люди строят некую «наивную психологию», которая имеет определенное сходство с научной, поскольку при помощи той и другой пытаются за внешним поведением личности понять ее установки, мотивы, отыскать инвариантные свойства.

Ф. Хайдер считал, что для понимания социального поведения личности и степени ее ответственности за то или иное пове-

дение надо понять житейскую психологию и те богатства и находки, которые имеются в здравом смысле. Он исходил из того, что люди склонны объяснять поступки либо личностными особенностями, либо внешним окружением.

Анализируя концепцию каузальной атрибуции, Ю. С. Крижанская и В. П. Третьяков [60] описывают модель Г. Келли, согласно которой информация о поступке оценивается по трем факторам — согласованности, стабильности и различию. Различные сочетания этих факторов влияют на отнесение причины поступка либо к личностным особенностям (личностная атрибуция), либо к особенностям объекта (стимульная атрибуция), либо к особенностям ситуации (обстоятельственная атрибуция).

Сущность каузальной атрибуции - в приписывании человеку причин поведения или каких-то более общих характеристик. В основе приписывания лежат: либо сходство поведения воспринимаемого лица с каким-то другим образцом, имевшимся в прошлом опыте субъекта восприятия, либо опора на собственные мотивы, предполагаемые в аналогичной ситуации [8, 148–149].

По Хайдеру, людям свойственно приписывание причин поведения и характеристик по простой модели: «плохим» людям всегда приписываются «плохие» поступки и качества, а «хорошим» — хорошие. Как комментирует это положение Г. М. Андреева: «Хотя такое объяснение действительно схватывает распространенные сентенции здравого смысла, оно же доказывает и крайнюю субъективность процесса каузальной атрибуции» [8, 149].

Известные эксперименты Г. Келли, в которых выявлялось влияние позиции участника или наблюдателя событий на приписывание причин, показали, что участник действия свою неудачу, как правило, приписывает влиянию объективных обстоятельств, а этот же человек, выступающий в роли наблюдателя, считает, что причины неудачи кроются в личности участника действия. То есть, атрибуция осуществляется таким образом, чтобы результаты не противоречили установкам человека в отношении самого себя и другого человека.

Этот феномен влияния установки на формирование первого впечатления подтверждается хорошо известными экспериментами А. А. Бодалева и П. Уилсона. Их работы, а также данные Г. М. Андреевой, Г. Келли, Х. Хекхаузена и других исследователей подтверждают большое значение атрибуции в процессе межличностного познания.

Стереотипизация также относится к важнейшим факторам формирования образа другого человека. «Стереотип (по определению Г. М. Андреевой) — это некоторый устойчивый образ какого-либо явления или человека, которым пользуются как известным «сокращением» при взаимодействии с этим явлением» [8, 152].

Стереотип формирует своего рода эталон представлений о людях разного типа. Так, например, у педагогов формируются эталоны «хорошего» и «плохого» ученика. Эти эталоны могут лишь частично осознаваться человеком, а могут и вообще нахо-

диться вне поля сознания человека, но они всегда влияют на процесс познания другого человека.

В. Н. Панферов выделяет три класса эталонов стереотипов: антропологические, социальные, эмоционально-типические [86].

По мнению Г. М. Андреевой, стереотип не всегда несет на себе оценочную нагрузку. Это бывает в тех случаях, когда происходит упрощенное познание человека, которое «не способствует точности построения образа другого, ...но помогает сокращать процесс познания» [8].

Кроме сокращения процесса познания стереотипизация может привести к возникновению предубеждения. Оно возникает на основе прошлого ограниченного опыта и может нанести серьезный вред взаимоотношениям людей. Как показывает собственный педагогический опыт (особенно в роли директора школы), предубеждения весьма характерны для педагогов и играют существенную роль в формировании представлений о детях.

В то же время, как показано А. А. Реаном в его докторской диссертации «Психолого-педагогические основы познания педагогом учащихся», стереотипы могут играть существенную положительную роль: если педагог, опираясь на них, дает лишь вероятностную оценку личности учащегося; если педагог отдает себе отчет о существовании субъективных оценочных стереотипов; если опора на стереотипы является лишь одним из механизмов познания учащихся, который действует в условиях дефицита ин-

формации, а впоследствии уступает место целенаправленному профессиональному изучению личности.

А. А. Реан в монографии «Психология познания педагогом личности учащихся», наряду со *стереотипизацией,* отмечает и такие важные для формирования педагогического сознания механизмы восприятия и познания ребенка, как *проецирование, децентрация, идентификация.*

Под *проецированием* понимается *неосознанное* наделение другого человека собственными мотивами, приписывание ему переживаний и качеств, присущих оценивающему.

Децентрация заключается в способности человека воспринимать точку зрения другого человека, она не тождественна способности встать на позицию другого, но с ней связана успешность принятия роли другого человека.

Под *идентификацией* А. А. Реан понимает механизм, связанный с *сознательной* (в отличие от проецирования) постановкой субъектом себя на место другого, что приводит к усвоению его позиции, установок, мотивов и т. д. [93, 8–9].

Представляется, что выявление структуры и содержания наиболее распространенных стереотипов образа человека, так же как и обнаружение влияния на формирование этого образа механизмов проекции, децентрации, идентификации и др., поможет организации их осознания профессионалами и будет способствовать преодолению некоторых нарушений в их взаимоот-

ношениях с людьми, повысит эффективность профессиональной деятельности.

А. А. Реан отмечает, что понятие продуктивности деятельности неоднозначно. Выделяют, в частности, *функциональную* продуктивность, т. е. созданную систему дидактических методов и приемов и т. п., и *психологическую* — новообразования в личности учащихся [94].

Тонкий, интересный анализ эталонной педагогической социальной перцепции проведен К. В. Вербовой и С.В. Кондратьевой [28, 43-50]. Изучив характеристики, составленные А. С. Макаренко на воспитанников колонии им. Ф. Э. Дзержинского, они обнаружили их качественное отличие от характеристик, составленных учителями 30-х годов и современными учителями.

Главное отличие проявилось в том, что А. С. Макаренко отражал *целостное* представление о воспитаннике, а учителя характеризуют ребенка как субъекта *учебной деятельности.* «Статус, роли, ценностные ориентации, мотивы поведения и, наконец, характер учащегося оцениваются в зависимости от того, как он учится...» [28, 45]. То есть, проявляется стереотип педагогической социальной перцепции. При этом выявился парадоксальный факт, что в развитии важнейших для педагога социально-перцептивных умений и способностей за последние 50 лет фактически ничего не изменилось.

§ 3. Социально-перцептивные образы и «я-концепция»

Социально-перцептивные образы — это отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого сообщества. Они могут отражать как наиболее значимые и существенные характеристики, так и поверхностные, несущественные, ситуативные, а порой и просто случайные. Понятие «образ человека» в последнее время стало достаточно широко применяться для обозначения облика человека, характерного для той или иной культуры в целом или для определенных этапов ее развития. В качестве синонимов этого понятия выступают «модель человека», «парадигма человека» [82]. Наиболее часто эти понятия используют философы, культурологи, искусствоведы, литературоведы, которые на собственном материале выявляют наиболее характерные черты, присущие человеку той или иной эпохи, которые так или иначе были зафиксированы в продуктах материальной и духовной деятельности людей. Так, например, в работах М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, В. Л. Обухова и др. были предприняты попытки проследить эволюцию образов человека на Западе, Востоке и в России.

Понятие «образ человека» не только фиксирует представления о природе человека, но и содержит нормативные элементы, указывая на предназначение, смысл жизни человека, на некие конкретные образцы личности, достойные подражания. Нельзя не согласиться с авторами монографии «Основы человековедения: человек как микрокосм» придающими этому понятию статус

междисциплинарного, так как оно резюмирует итоги философской и религиозной рефлексии, а также результаты самопознания человека в других областях [82]. Они выделяют четыре основных аспекта понятия «образ человека».

1. Гносеологическая характеристика человека. Здесь авторы опираются на традицию, идущую от Канта, гносеологическую характеристику предмета характеризовать как образ этого предмета. Это тем более верно в тех случаях, когда мы имеем дело не с самим человеком прошлых эпох, а только с тем образом, который отражен в культуре тех эпох.

2. Фиксирование той целостности человека, которая доступна прежде всего искусству и религии, так как понятие «образ человека», содержа в себе (по мнению авторов) вненаучную компоненту, позволяет науке преодолеть фрагментарность понимания сущности и природы человека.

3. Характеристика, с одной стороны, наиболее распространенного типа человека в данной эпохе и данной среде, а с другой стороны, характеристика соответствующего идеала, образцового человека.

4. Проявление сущности человека. Если сущность относится к внутреннему, то образ — к внешнему. Сущность, будучи (по мнению авторов) устойчивой и однозначной для всех эпох и народов, проявляется в бесконечном многообразии образов человека. Путь к познанию сущности лежит через осмысление бесконечного богатства его проявлений-образов.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что каждая культура формирует специфический образ человека, который выступает в качестве образца, которому явно или неявно предписывается следовать. Анализируя влияние культуры на образ человека, авторы [82] отмечают, что при нормальном развитии общества следование такому образцу обычно способствует сохранению и функционированию социума. Следовательно, есть все основания предполагать, что такой образ человека удерживает в себе сущностные характеристики, адекватно отражающие реальное положение вещей (соотношение человека и природы, человека и космоса, реальное место человека в обществе и пр.). В каждом обществе доминируют те или иные факторы, которые оказываются наиболее благоприятными для человека и закрепляются в формируемом образе человека. Каждая эпоха пытается воплотить целостный образ человека и сделать его доступным для подавляющего большинства населения. И наиболее перспективными здесь оказываются литература, искусство, философия и религия. Наука же, ориентируясь на рационалистические методы познания, оказывается малопригодна для постижения целостных характеристик человека, что приводит, по мнению авторов, к тому, что в современной научной картине мира для конкретного человека места почти не осталось.

Рассматривая эволюцию образа человека в ходе исторического развития человеческого общества, авторы отмечают четкую тенденцию превращения образа человека в некоторое идеальное

образование, следовать которому человеку становится все труднее. В примитивных обществах в образе человека доминируют родовые характеристики, а целостность выражена относительно слабо. Зато такой образ доступен всем членам социума и практически все люди являются его носителями. Это придает группе сплоченность и единство, но одновременно делает всех людей похожими друг на друга.

С ростом уровня развития общества образ человека значительно усложняется, начинает доминировать его целостный характер, воплощаемый в искусстве, литературе, философии, религии. Влияние такого образца на различных членов общества и социальные группы оказывается далеко не одинаковым. Для многих он становится настолько недосягаемым, что к нему можно только стремиться. Но и сама эта устремленность в большинстве случаев оказывается весьма полезной для общества. Ориентация на такие образцы поднимала человека над уровнем обыденности, пробуждала активность, ориентировала на соблюдение моральных и правовых норм. Но разрыв между идеалом и реальностью порождал негативные явления: разочарование, негативизм, экстремизм и пр. Это противоречивое влияние образа-образца неоднократно отмечалось в произведениях литературы и искусства. Реже, но отражалось оно и в научных исследованиях. Так, М. Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» показал, как конкретный образ индивидуально функционирующего протестанта способствовал становлению капиталистического общества. В то

же время он отметил и ряд негативных черт, присущих образу буржуа: излишний практицизм, крайний индивидуализм, расщепленность сознания и т. п. [27].

В самом обществе усиливается дифференциация, разные люди оказываются по-разному дистанцированы от господствующего в данный момент образа человека. В определенных условиях может сформироваться и такой образ, хотя и привлекательный для большинства людей, но подражание которому порождает деструктивные формы поведения, представляющие реальную угрозу для существования общества. Особенно часто такие явления происходят в кризисных точках развития общества, а также в периоды застоя и деградации. Такие процессы И. А. Ильин называл «эстетизация зла». Особенно отчетливо такие образы наблюдаются в различных тоталитарных режимах и сектах. Поэтому так важно именно сейчас, когда так обострились противоречия между Западом и Востоком, организовывать и осуществлять глубокие исследования закономерностей и механизмов формирования и функционирования социально-перцептивных образов

Мощное влияние на развитие общества образ человека, но мнению «Основы человековедения: человек как микрокосм» оказывает только в том случае, если он содержит общечеловеческие ценности, которые оказываются привлекательны для каждого отдельного человека. Но наряду с общечеловеческими ценностями такой образ должен включать и региональные черты в виде этнических характеристик, национальных особенностей. Говоря о со-

циальной противоречивости образа человека, они отмечают и противоречивость на психологическом уровне, но этот уровень остается за пределами их анализа [82].

Проблема образа человека давно вышла за рамки общетеоретического, философского осмысления. Ее значение для психологической и психотерапевтической практики уже не подвергается сомнению. Особенно остро это было продемонстрировано после случившейся в самом начале нового тысячелетия трагедии атомохода «Курск», когда средствами массовой информации, не без помощи непоследовательных действий государственного аппарата высшего уровня, был невольно поставлен грандиозный, прежде всего по своему трагизму, социальный эксперимент, выразившийся в сборе большой массы людей, связанных локальным (не затрагивающим напрямую все общество, как это бывает во время войн) общим горем. Военные клинические психологи-исследователи, ставшие непосредственными участниками этого стихийного эксперимента, четко определили одну из основных причин острой взаимной индукции депрессивных эмоций: негативное воздействие ежечасно меняющейся информации — от сообщений об успехах спасательной операции до жестких заявлений о гибели экипажа — привело к формированию определенного ракурса восприятия происходящего. Этот ракурс восприятия трагедии, в свою очередь, «помог сформировать у людей **образ** задыхающегося члена экипажа подлодки на фоне равнодушного бездействия представителей властей и военного ведомства» [69, 6].

Сегодня, после объявления частичной мобилизации, к которой оказались совершенно неподготовлены многие военкоматы, не без помощи, а точнее, при мощном раскачивании этой ситуации в интернете противниками современной России, в массовом сознании общества снова начинали формироваться процессы недовольства принятыми государственными решениями, но благодаря тому же интернету, широкой гласности и достаточно оперативным мерам, принимаемым на высшем государственном уровне удалось в значительной степени нивелировать эти негативные процессы трансформации массового сознания.

Именно **образ** близкого **человека,** нуждающегося в помощи, актуализировавшийся в **ситуации,** не дающей возможности эффективно действовать, явился мощнейшим фактором развития депрессивной индукции, повлиявшей на изменение не только состояния, но жизненных ценностей и самого образа жизни человека. Коррекция негативных последствий на психику человека оказывается наиболее эффективной именно через воздействия на образную систему человека. Это в свою очередь вызывает потребность глубоко изучить структуру и содержание системы образов человека.

Описание структуры и содержания системы представлений о психической сути человека предпринималось различными психологическими школами.

3. Фрейд ввел в психологию понимание трехзвенной структуры человеческого «Я»: актуальное «Я» — эго, идеальное «Я» —

супер-эго, бессознательное «Я», ощущаемое человеком как чужеродное, и тем не менее присущее ему, непонятное «Оно» — ид.

Последователь З. Фрейда Э. Берн в основу своей концепции трансактного анализа положил также трехзвенную структуру, модернизировал ее и, опираясь на исследования У. Пенфилда (W. Penfield), доказавшего нейрохирургическим путем, «что психологическая реальность опирается на интегральные и прерывистые «состояния Я» [20, 11], выделил три состояния Я: «Ребенок», «Родитель», «Взрослый».

Гештальтпсихотерапия (Ф. Перлз, 1993 (1951) и психосинтез (Р. Ассаджоли, 1994) исходят из сосуществования в человеке множества субличностей, актуализирующихся в зависимости от ситуации и способности человека сознавать (awareness) и осознавать (realise) их.

Анализируя работы У. Джемса, Ч. Кули, Д. Мида, Э. Эриксона и К. Роджерса, Р. Бернс выделил три основные модальности самоустановок: «реальное Я», «зеркальное Я», «идеальное Я». Каждая модальность включает четыре структурных аспекта: «физическое Я», «социальное Я», «умственное Я», «эмоциональное Я».

Исследователи (Р. Бернс, И. С. Кон, Ю. М. Орлов и др.) отмечают, что мнения индивида о самом себе в большинстве случаев представляются ему вполне убедительными и объективными независимо от того, соответствуют ли они на самом деле действительности.

В ряде исследований самоанализ и самопознание в профессиональной деятельности и общении рассматриваются как факторы повышения ее продуктивности (Н. В. Кузьмина, 1990; А. С. Тотанова, 1982 и др.).

При обработке «Ты-образов», в том числе образа ребенка, даже у взрослых, в том числе у профессиональных педагогов, часто возникает иллюзия истинности собственных представлений. Эта иллюзия нередко перестает быть «иллюзией», так как социально-перцептивные образы, особенно Ты-образы ребенка в сознании таких значимых для него взрослых, как родители и педагоги, обладают силой того, что в социальной психологии (*например, Берн Ш. Гендерная психология[21], Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций [26], Майерс Д. Социальная психология[68]*) называют «самосбывающиеся (самоудовлетворяющиеся, самореализующиеся) предсказания (пророчества) — self fulfilling prophecy». Взрослые, вольно или невольно, пытаясь подогнать ребенка под сложившийся у них образ, начинают вести себя но отношению к нему таким образом, что действительно добиваются подтверждения своих представлений. От детей, особенно мальчишек — дошкольников и подростков, нередко можно даже услышать высказывания типа: «Раз вы все считаете, что я такой, то я так и буду вести себя».

Ты-образы проходят двойную трансформацию. Во-первых: при включении в имеющуюся Ты-конценцию происходит сверка на устранение противоречий новой информации с уже имеющей-

ся. Во-вторых: происходит согласование трансформированной Ты-концепции с имеющейся Я-концепцией, уточняется, не приводит ли изменение представлений о другом человеке к необходимости существенно изменить представление о себе, например о своих способностях разбираться в людях, что является важнейшим признаком профессионализма педагога (Ф. Н. Гоноболин, 1964; Е. А. Климов, 1984; Н. В. Кузьмина, 1985; Н. Д. Левитов, 1960; Э. А. Максимова, 1973; А. А. Реан, 1994; Л. А. Регуш. 1989, 2001; Е. А. Панько, 1993; А. И. Щербаков, 1967 и др.).

За последние пятьдесят с лишним лет проводились достаточно разнообразные исследования по изучению Я-концепции детей и взрослых, в том числе роль Я-конценции в воспитании детей (Б. Г. Ананьев, 1969; Р. Берне, 1986; К. Блага, М. Шебек. 1991; А. А. Бодалев, 1983; Н. В. Вараева, 2008; И. С. Кон, 1978, 1984; О.Б. Кононова, 2010; Е. Мелибруда. 1986; Ю. М. Орлов, 1987; А. А. Реан, 1992, 1994. 1999; А. М. Салчак, 2022; Ситников, 1996, 2001, 2016; Е. Т. Соколова, 1989. 1994; В. В. Столин, 1986 и др.).

Б. Г. Ананьев считал, что образование отношения формирующегося человека к самому себе является наиболее поздним по сравнению с другими свойствами: «Лишь пройдя через многие объекты отношений, сознание становится само объектом самосознания» [6, т. 1, 159].

Б. Д. Карвасарский подчеркивает, что именно отношение к себе, будучи наиболее поздним и зависимым от всех остальных,

завершает становление структуры характера, системы отношений личности и обеспечивает ее целостность [49].

Анализ структуры, сущности и механизмов Я-концепции необходим для понимания содержания представлений о человеке в сознании детей и взрослых и роли Ты-образов в совершенствовании их взаимодействия, в повышении эффективности педагогического труда, в развитии детей.

Под Я-концепцией понимается комплекс всех представлений человека о себе. Р. Бернс назвал Я-концепцию совокупностью установок «на себя». Он определяет ее «как динамическую совокупность свойственных каждой личности установок, направленных на саму личность».

Принято считать, что установки имеют трехкомпонентную структуру и включают три главных элемента: когнитивный, аффективный и конативный. Применительно к Я-концепции Р. Бернс конкретизирует эти элементы следующим образом:

«1. Образ Я — представление индивида о самом себе.

2. Самооценка — аффективная оценка этого представления, которая может обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа Я могут вызывать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением.

3. Потенциальная поведенческая реакция, т.е. те конкретные действия, которые могут быть вызваны образом Я и самооценкой» [21, 32].

В связи с исследованием проблемы соотношения в сознании Я-образа и образа другого человека и наибольший интерес представляет анализ когнитивной составляющей Я-концепции или собственно описания представлений человека о себе самом, его Я-образа.

Сама Я-концепция может быть и позитивной, и негативной, но в любом случае человек стремится к достижению внутренней гармонии. Р. Бернс подчеркивает троякую роль Я-концепции: «...она способствует достижению внутренней согласованности личности, определяет интерпретацию приобретенного опыта и является источником ожиданий относительно самого себя».

Новый опыт, не противоречащий Я-образу человека, «легко ассимилируется, входит внутрь некой условной оболочки, в которую заключена Я-концепция» [21, 41]. Если обнаруживаются противоречия, то эта же «оболочка» не пропускает информацию, срабатывая как защитный экран, или включает ее переработку по механизму психологической защиты личности. Такая фильтрация и трансформация новых представлений обеспечивает кажущуюся достоверность даже неадекватных мнений человека о самом себе.

Как отмечает Ю. М. Орлов: «Я-концепция дает поведению относительно жесткий стержень и ориентирует его... Она частично осознана, но частично существует и в бессознательной форме, осознаваясь косвенно, через поведение» [83]. При этом человек имеет на самом деле множество не только различных Ты-, Он- образов, но достаточно много разных «образов Я», которые, несмотря на мно-

гообразие, имеют нечто общее, свойственное для социо-перцептивной системы конкретного отражающего субъекта.

А. А. Реан отмечает, что в настоящее время можно считать доказанным существование связи между уровнем самопознания и познанием личности другого человека. Он предлагает выделить в процессе профессионального самопознания два аспекта: структурно-личностный и операционально-деятельностный. Во многих отечественных и зарубежных исследованиях установлена связь между полноценностью и сложностью представлений человека о самом себе и многозначностью, дифференцированностью отражений им индивидуальных и личностных особенностей других людей.

Я-образы оказываются достаточно тесно связаны с Он-образами. При этом актуализация конкретной системы Я-образов личности ситуативна и зависит от различных факторов: самочувствия; предшествующих поступков; ожидании и намерений; от того, с кем конкретно взаимодействует человек; от успешности деятельности или взаимодействия; от отношений человека к себе, к окружающим, к ситуации и прочих факторов. Каждый социально-перцептивный образ является продуктом как рациональных, сознательных, осознаваемых, так и иррациональных, бессознательных, неосознаваемых усилий человека по восприятию и пониманию себя и другого» [111].

§ 4. Социально-перцептивные образы объекта и субъекта познания

В отечественной психологии, стремящейся понять психологию человека, особое внимание отводилось пониманию закономерностей ее развития с момента рождения до ухода в вечность. Не случайно одна из фундаментальных учебно-энциклопедических работ, выполненных по инициативе и под редакцией академика РАО А. А. Реана на стыке тысячелетий, так и называлась — «Психология человека от рождения до смерти» [92].

Исследования Ш. А. Амонашвили, П. П. Блонского, Л. И. Божович, Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, В. В. Зеньковского, Н. В. Кузьминой, М. И. Лисиной, А. А. Люблинская, В. С. Мухиной, А. А. Реана, Е. Ф. Рыбалко, Д. Б. Эльконина и др. убедительно доказали, что психика человека в процессе своего развития измененяется самым существенным образом, прежде всего, благодаря общению и взаимодействию с другими людьми, в ходе которых трансформируются представления детей о себе и взрослых, а так же о сверстниках, о младших и старших детях.

С шестидесятых годов прошлого века благодаря работам А. А. Бодалева и Г. М. Андреевой в нашей стране стали активно развиваться исследования, посвященные изучению проблем восприятия и понимания людьми друг друга. Особенно активно изучение социально-перцептивных образов детей и взрослых стало проводиться с середины девяностых годов XX века и в начале третьего тысячелетия (Н. Б. Бар, Н. В. Вараева, Н. Б. Казначеева,

М. В. Карагачева, С. И. Кедич (Гусева), А. В. Комарова, О. Б. Конова, С. В. Кондратьева, Н. В. Кузьмина, А. А. Леонтьев, А. А. Реан, Д. В. Ронзин, А. М. Салчак, В. Л. Ситников, А. А. Стреленко, И. Ю. Шилов и др.).

Многочисленные исследования убедительно свидетельствуют, что особенности личности человека выражаются в содержании образа и отношении человека к объекту отражения. То, как в описании образа отражается другой человек, демонстрирует отношение к этому человеку как к объекту или как к субъекту развития и деятельности.

«Анализ данных, полученных с помощью методики «СОЧ(И)», которая будет описана в третьей главе, показал, что все многообразие конкретных определений ребенка можно обобщить по разным основаниям. Одним из таких оснований может быть классификация, основанная на проявляющихся в этих простых, в подавляющем большинстве однословных, высказываниях субъектно-объектных отношений.

Все варианты полученных характеристик человека можно свести к шести типам:

а) человек характеризуется как пассивный объект, зависящий от воздействиея других людей;

б) в человеке отмечаются черты субъекта, но при этом окружающие оказывают решающее влияние на его поведение;

в) человек проявляет себя активным субъектом, не зависящим от влияния окружающих;

г) человек проявляет себя в качества достаточно инертного субъекта, слабо реагирующим на замечания и просьбы других людей;

д) у человека превалируют характеристики активного субъекта, но периодически проявляются черты инертности;

е) человек равномерно проявляет черты объекта и субъекта деятельности.

Исследования социально-перцептивных образов других категорий людей, не занимающихся профессиональной управленческой деятельностью, убедительно показали, что эти типы характеристик можно в полной мере отнести к особенностям людей разных национальностей, разного возраста, разного пола и разных профессий. Эти типы отношения, проявляющиеся в отражении человеком образов других людей можно обозначить следующим образом: а) «пассивный объект»; б) «активный объект»; в) «активный субъект»; г) «пассивный субъект»; д) «активно-инертный субъект»; е) «субъектный объект».

Первые два варианта отличает не зависящее от активности отражаемого человека явное доминирование того, что характеризует этого человека как субъекта своей собственной активной деятельности в отношении определенных объектов, следовательно, их можно объединить в один вид — «субъект-объектные» характеристики.

Третий и четвертый варианты характерны для тех, кто придерживается в отношении других людей принципов невмеша-

тельства: «человек сам лучше знает, что ему полезней делать», «что бы люди ни делали — лишь бы не мешали» или «каким уродился — таким и пригодился», — и относится к ним как к достаточно самостоятельным субъектам развития. Эти два вида характеристик можно объединить в один тип — «субъект-субъектные» характеристики.

При анализе пятого и шестого вариантов можно выделить два принципиально различных типа данных вариантов описания человека.

Варианты одного типа отличаются объективностью, можно сказать, стереоскопичностью отражения людей. В них люди предстают «в единстве и борьбе противоположностей». В описаниях непредвзято отражаются как положительные, так и отрицательные характеристики человека при общем, безусловно, положительном к нему отношении. Оба варианта данного типа можно объединить в один вид — «объективных» характеристик.

Варианты другого типа отличаются не противоречивостью даже, а именно непоследовательностью суждений, и характеризуют людей то как активных, то как пассивных, в общем-то, самостоятельных, но только в определяемых им пределах, при общем равнодушно-безразличном отношении к людям. Эти варианты можно объединить в тип «объективно-субъектных» характеристик.

Последние два варианта по структуре позитивно-негативных соотношений в описаниях людей и по уровню предвзятости этих высказываний не столь существенно отличаются друг от друга,

сколь от предыдущих вариантов, но при этом принципиально различаются по параметру заинтересованности или равнодушия в отношении к людям, отражаемым в процессе взаимодействия. При анализе описаний представлений о людях бывает непросто определить реальный тип отношения к людям, характерный для представителей этих внешне похожих, но сущностно противоположных типов. Но люди, непосредственно включенные в процесс деятельности типа «человек-человек» (взрослые и особенно дети), как правило, достаточно точно определяют эти варианты.

В итоге можно выделить четыре основных типа характеристик людей, отражающих три варианта образа человека, отражаемых его окружением и представляющих человека как: а) «объект»; б) «субъект»; в) «субъектный объект»; г) «объектный субъект».

Доминирующий в сознании человека образ другого человека, определяет и доминирующий стиль взаимодействия с отражаемым человеком. Следовательно, определение типа образа человека позволяет косвенно выявить характерный для человека стиль взаимодействия:

— вариант а) отражаемый человек — «объект» можно отнести к директивному стилю;

— вариант б) отражаемый человек — «субъект» можно отнести к демократическому стилю;

— вариант в) отражаемый человек — «субъектный объект» можно отнести к патисипативному стилю;

— вариант г) отражаемый человек — «объектный субъект» можно отнести к попустительскому стилю.

Каждый тип образа человека имеет различные вариации.

Данная типология образа человека является лишь одной из гипотетического множества возможных умозрительных классификаций реально существующих комплексов социально-перцептивных образов, существующих в сознании разных людей.

Детальный количественный и качественный анализ этих типов обобщенных образов и их связи с другими характеристиками (например, с Я-образами или психогеометрическими) представляется весьма перспективным, но не входит в программу данного исследования, так как предлагаемая типология весьма многозначна и нуждается в отдельном исследовании.

§ 5. Параметры вариативности образа человека

Под индивидуальностью образов в данном исследовании понимается специфическое своеобразие стержневых характеристик социально-перцептивных образов отражаемого человека (объекта) у различных субъектов.

Неоднородность характеризует различие структур и содержания разных и однотипных образов как у одного, так и у многих субъектов.

Вариативность рассматривается как наличие различных вариантов образа одного и того же или различных объектов единого класса у одного субъекта. Например, образ ребенка в сознании

взрослого при наличии общего стержня имеет множество вариантов. Конкретные образы «своего» и «чужого» ребенка будут весьма отличаться, так же как образы мальчиков и девочек, старших и младших, городских и сельских, отдыхающих и учащихся, холериков и меланхоликов и т. п.

Вариативность образа человека ситуативна и контекстуальна, то есть она зависит от конкретной ситуации и того контекста, в котором происходит актуализация (осознание) образа или его неосознаваемое использование в качестве регулятора педагогической деятельности.

Вне зависимости от ситуации и контекста на вариативность образа отражаемого человека (объекта отражения) в сознании другого человека (субъекта отражения) отражающего его образ, влияют два фактора: во-первых, это сам отражаемый человек, то есть объект, образ которого формируется, во-вторых, это человек отражающий образ другого, то есть субъект, который формирует образ.

Вариативность компонентов структуры образа зависит не столько от объекта, образ которого осознается, сколько от субъекта, осознающего этот образ. В то же время на вариативность образа оказывают основное влияние следующие характеристики объекта — человека: а) возраст; б) темперамент; в) пол; г) среда (город, село); д) род занятий и образование его самого и его родителей; е) ведущий тип деятельности (игра, учеба); ж) национальность; з) родственные или дружеские отношения с субъектом.

Из всех этих характеристик наиболее осознаваемыми для субъекта являются возраст и родственные или дружеские отношения (именно об этом, как правило, чаще задают уточняющие вопросы при получении задания, связанного с описанием человека, реже задают вопросы об особенностях его темперамента).

При проведении опросов, направленных на изучение социальных установок в отношении абстрактных людей, для того чтобы максимально снизить влияние характеристик объекта, в инструкции особо важно подчеркивать необходимость представить и описать типичного, «среднего» человека. Тем самым удается выявить основу некоего «эталона», в соответствии с которым происходит отбор конкретной информации, необходимой для формирования конкретного образа того «эталона», на который накладывается, с которым сличается реальный человек для того, чтобы определить, к какому типу (виду, классу, группе) людей он относится и, соответственно, как, по какой схеме строить с ним отношения. Но, как показывают проведенные нами эмпирические исследования, этого же результата, то есть выявления структурно-стержневых характеристик, являющихся ключевыми при формировании представлений о людях в целом, можно добиться, если получить от этого человека несколько описаний его представлений о разных людях. Причем, не так уж важно, будут ли это описания разных людей или одного и того же человека (но все же в этих целях предпочтительнее получить отражение представлений о разных людях, так как палитра описаний будет богаче).

Данные ряда исследований [51, 110, 124 и др.] позволяют сделать вывод, что вариативность компонентов образа человека зависит не столько от объекта, образ которого осознается, сколько от субъекта, осознающего этот образ. Эти данные согласуются, в частности, с изысканиями В. М. Аллахвердова, приведшими его к выводу о том, что работа сознания направлена прежде всего на подтверждение своих ожиданий и начинается эта работа с отождествления этих ожиданий и действительности [5, с. 495].

Вариативность образа человека зависит от многих объективных и субъективных параметров субъекта. Под объективными параметрами понимаются сложившиеся формализованные, стабильные характеристики субъекта, продуцирующего социально-перцептивный образ. Субъективные параметры включают индивидуально-психические характеристики личности, актуализирующиеся у субъекта в момент продуцирования образа.

Объективные параметры: а) социальное положение по отношению человеку, отражаемому в сознании субъекта (родитель, близкий или дальний родственник, знакомый, посторонний и др.); б) профессия (воспитатель, учитель, администратор школы, уборщица, врач, полицейский, чиновник и др.); в) возраст; г) общая культура (включая национальные и региональные особенности); д) образование; е) наличие собственных детей; ж) стаж работы; з) место проживания (страна, регион, город, рабочий поселок или сельская местность).

Субъективные параметры. Под субъективными параметрами субъекта понимаются индивидуально-психические особенности носителя образов, такие как особенности его познавательной, эмоциональной, мотивационно-волевой сферы, различные личностные характеристики.

Можно выделить три типа факторов, влияющих на формирование субъективных параметров:

а) общение с детьми;

б) общение со взрослыми;

в) деятельность, определяющая развитие личности.

Каждая из этих групп факторов формируется в двух периодах: в детстве и в зрелом возрасте. Выделение двух периодов обусловлено естественной возрастной специфичностью формирования параметров, определяющих вариативность образов ребенка. Причем влияние первого периода на последующий оказывается, как правило, определяющим, о чем убедительнейшим образом свидетельствует работа Е. В. Сидоренко [107].

В итоге можно выделить шесть основных групп факторов, влияющих на формирование субъективных параметров:

1. Индивидуальный жизненный опыт детства:

1.1. Опыт взаимодействия со взрослыми:

— наличие родителей и прародителей, их статус, взаимоотношения с ними;

— отношения и опыт взаимодействия: с педагогами, со знакомыми и незнакомыми взрослыми;

— стиль воспитания в семье, детском саду, школе;

— включенность в совместную со взрослыми деятельность;

— разнообразие видов совместной деятельности (игра, отдых, труд, учеба) и их конкретных форм.

1.2. Опыт взаимодействия с детьми:

— наличие, количество, пол и возраст сиблингов и кузенов, взаимоотношения с ними;

— отношения, опыт и разнообразие взаимодействия со сверстниками, старшими и младшими детьми.

1.3. Опыт самостоятельной деятельности в детстве:

— эмоциональный опыт: эмоции и чувства, их спектр, модальность, глубина переживаний;

— конативный опыт: навыки и привычки, любимые и нелюбимые занятия (в том числе уроки), интересы и увлечения, их объем, устойчивость, качество и вариативность;

— когнитивный опыт: знания и умения, их широта, полнота, точность, значимость;

— креативный опыт: способности и успехи, их разнообразие, интенсивность, продолжительность и значительность.

2. Индивидуальный жизненный опыт зрелого возраста.

2.1. Опыт общения с детьми:

— житейский опыт: его истоки, продолжительность, разнообразие, эмоциональная насыщенность, осознанность;

— профессиональный опыт: психолого-педагогические знания, умения и навыки, профессиональная креативность и педагогические способности;

— мотивационная направленность: усталость или энтузиазм, желание или нежелание общаться с детьми;

— модальность эмоций: преобладание мажорных или минорных тонов в процессе взаимодействия с детьми, интенсивность переживаний и чувств.

2.2. Опыт общения со взрослыми по поводу детей: — включает те же параметры, что в п. 2.1, но опосредованные взаимодействием со взрослыми (коллегами, родителями, администрацией, общественностью, посторонними).

2.3. Опыт самостоятельной деятельности в зрелости - включает те же параметры, что в п. 1.2, но имеется в виду опыт, получаемый в зрелом возрасте.

Такое многообразие и ситуативность субъективных и объективных параметров, влияющих на конкретное содержание актуализируемых и неосознаваемых образов, существенно осложняет возможности целенаправленного формирования и коррекции целостных представлений о детях.

§ 6. Образ полицейского в современной России

В связи с ростом социально-экономических и политических кризисов современного общества резко возрастают требования к личностным и профессиональным качествам полицейских, что,

особенно в последние десять лет, отражается в бурном росте публикаций, посвященных отражению полицейских в общественном сознании. При этом особенно активизировались исследования различных аспектов социальной перцепции представителей силовых структур, в которых преобладают исследования, посвященные образу полицейских, что вполне естественно, т.к. именно полицейские, отвечая за охрану общественного порядка, всегда находятся в центре внимания общества. Так на запрос: «образ полицейского» в научной электронной библиотеке eLIBRARY выходит информация о 10197 научных публикациях, включающих такое словосочетание. Целый ряд работ посвящен проблемам формирования образа сотрудников полиции.

С начала второго десятилетия двадцать первого века, после принятия Государственной думой 28 января 2011 г. Федерального закона «О полиции», ознаменовавшего переименование российской милиции в полицию начался бум публикаций посвященных образу полицейского в массовом сознании. Появилось множество работ посвященных отражению образа полицейских в средствах массовой информации., таких как: «Субъективный образ современных полицейских в печатных СМИ: на основе контент-анализа публикаций в «Аргументах и фактах» с 2010 по 2020 год» (Р. Г. Ардашев), «Некоторые аспекты влияния СМИ на образ полицейского в г. Барнауле» (А. И. Артонова), «Образ современного полицейского в социальных сетях» (Е. А. Данова), «Образ полицейского в цифровом пространстве: социологический анализ»

(В. Ю. Дубровский), «О способах формирования положительного образа полицейского средствами массовой информации» (В. В. Зудаева), «Медийный образ сотрудника полиции как результат деятельности СМИ» (А. В. Карпова), «Образ полицейского и современная свобода печати» (Н. Г. Келеберда), «Образ полицейского в современных литературе и кино» (Е. Ю. Крыжановская), «Конструирование образа другого в медиарепортаже (на примере персонажа "полицейские")» (О. А. Михайлова, Е. А. Исакова), «Профессиональная личность в сфере правоохранительных органов (на материале кинотекстов)» (Ю. А. Нелюбина), «Современный образ полицейского в жизни и в кино» (Н. М. Нилов), «Образ полицейского в современном кино» (В. В. Ширманов).

Эти и подобные им публикации, как правило, не столько исследуют психологические закономерности и механизмы формирования образа полицейского, сколько описывают особенности освещения образа полицейского в средствах массовой информации, в художественных фильмах и в интернете. Средства массовой информации в этих случаях выполняют социальный заказ тех или иных людей или социальных групп по формированию у социума, значительной массы населения, желаемых им, этим людям или группам людей, образов и представлений о самих себе или о других людях и группах. По сути, они описывают общественно-политические механизмы формирования имиджа сотрудников органов внутренний дел, нередко выполняя прямой заказ политических сил и руководства системы МВД или местных администраций.

Одними из первых работ, в которых рассматривались собственно психологические проблемы образа сотрудника полиции в общественном сознании, были подготовлены в 2014 году К. В. Злоказовым — статья «Особенности формирования образа сотрудника полиции: социально-психологическая модель и индикаторы оценки» и кандидатская диссертация С. А. Мусатовой «Феномен образа полицейского в социальных представлениях жителей мегаполиса»,

Проведенный К. В. Злоказовым анализ показал, что в содержании компонентов определяющими восприятие полиции являются следующие показатели: а) когнитивный — компетентность полиции в раскрытии преступлений; б) аффективный — восприятие преступлений как социально опасных явлений, нетерпимости к преступлениям и правонарушениям; в) поведенческий — присутствие, доступность, действие, коммуникативная компетентность [44]. Резюмируя результаты своего исследования К. В. Злоказов утверждает: «Акцент на этих показателях при осуществлении информационно-пропагандистской работы с общественностью и воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел позволит улучшить восприятие деятельности полиции, приведет к формированию положительного образа полиции в обществе» [44].

В диссертации С. А. Мусатовой на основе теоретического анализа и эмпирических данных описаны стадии формирования образа полицейских у жителей большого города. В своем иссле-

довании она исходила из того, что социальные представления в процессе отражения образа полицейского проходят три стадии: 1) формирование на основе разнообразных источников некой суммы знаний о сотрудниках полиции; 2) формирование субъективной оценки складывающегося образа и 3) формирование, на основе отнесения к определенной категории, установки в отношении этого образа. В соответствии с этой гипотезой ею была разработана социально-психологическая модель индивидуализации социальных представлений образа полицейского при переходе от стадии накопления знаний к формированию установки. На основе ассоциативного эксперимента были выделены четыре фактора: «Профессиональная компетентность», «Морально-нравственный облик», «Коммуникабельность», «Индивидуальные характеристики». Самым существенным оказался фактор «Профессиональная компетентность». Причем, ни в одной из 23 выделенных дихотимических характеристик ни одна не превышала оценки 2,40, а как указывала автор: «Необходимо учитывать, что если средняя групповая оценка по шкале имеет значение ниже 2,50; то это значит, что респонденты выбрали негативную характеристик) сотрудника полиции» [79]. Эти результаты исследования С. А. Мусатовой однозначно характеризует сложившуюся к тому времени доминирующую негативную установку социальных представлений на образ сотрудника полиции.

Это, вероятно, одна из причин, вызвавших немало работ посвященых проблемам имиджа сотрудников полиции: «Повыше-

ние престижа службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Формирование положительного имиджа сотрудника полиции» (Б. А. Жуков) «Имидж сотрудника полиции как показатель эффективности деятельности правоохранительных органов» (К. Ю. Менчикова, Д. В. Захаров), «Роль имиджа сотрудников полиции при обеспечении общественной безопасности во время массовых мероприятий» (Р. М. Султанова,), «Образ провинциального полицейского в либеральной публицистике 1905–1907 годов (по материалам Урала)» (С. М. Рязанов), «Имидж как основа эффективности деятельности современной полиции» (А. Н. Шумилов). Множество научных публикаций посвящено отражению образа полицейских в сознании молодежи и людей, проживающих в конкретных регионах: «Образ полицейского в общественном сознании россиян: современные интерпретации» (Ю. Р. Сухенко), «Образ полицейского в российском обществе: проблема репрезентации» (В. Б. Рожковский, Г. А. Любивая), «Полиция глазами молодежи. сборник студенческих эссе.» (г. Кемерово), «Образ российской полиции и бессилие уголовного закона» (В. В. Бабурин, С. С. Киселев), «Образ полицейского в общественном сознании граждан современной России» (Д.-С. А. Чуслина), «Образ полицейского в сознании молодежи» (А. А. Дубова, О. Е. Кузнецова), «Образ полицейского в общественном мнении» (Г.А.О. Курбанлы), «Профессиональные деформации полицейского в сознании современной молодежи» (О. Е. Кузнецова), «Особенности формирования образа сотрудника полиции: социально-

психологическая модель и индикаторы оценки » (К. В. Злоказов), «Личность полицейского как образ профессионала» (Е. Р. Голышкина, О. М. Дорошенко), «Образ полицейского глазами нижегородцев» (А. А. Глухова, И. А. Треушников, Д. А. Шпилев), «Формирование авторитета современного полицейского как перспектива создания и поддержания его положительного образа» (Е. В. Колесникова), «Образ современного полицейского в общественном сознании граждан Российской Федерации» (В. Б. Рожковский, И. М. Вакула), «Стереотипизированный образ профессии полицейского в сознании современной студенческой молодежи (на примере вузов г. Барнаула)» (А. В. Мотина) и пр, и др. В этих и других работах рассматриваются различные стороны профессионального сознания и деятельности, отмечается влияние образа мира, Я-образа на результаты профессионального труда.

А. Ю. Панасюк в своих исследованиях дает разные определение имиджа:

1. «Имидж человека — это мнение об этом человеке у группы людей в результате сформированного в их психике образа этого человека, возникшего вследствие прямого их контакта с этим человеком или вследствие полученной об этом человеке информации от других людей; по сути, имидж человека — это то, как он выглядит в глазах других людей, или — что одно и тоже — каково о нем мнение других людей» [84]

«Имидж объекта — это мнение рационального или эмоционального характера об объекте (человеке, предмете, системе),

возникшее в психике — в сфере сознания и/или в сфере подсознания определенной (или неопределенной) группы людей на основе образа, сформированного целенаправленно или непроизвольно в их психике в результате либо прямого восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного с целью возникновения аттракции — притяжения людей к данному объекту» [84].

Шепель В. М. разделяет понятия «имидж» и «образ», подчеркивая, что образ — обобщающая характеристика личности, ее устойчивые индивидуальные качества, обусловленные принадлежностью к определенной группе людей, типичным условиям жизнедеятельности; а имидж — всего лишь фасадная часть образа. Он полагает, что в отличие от образа имидж легче поддается изменению, что быть маской — одно из функциональных назначений имиджа [122, 302–304].

Есть немало работ, посвященных имиджу полицейских в общественном сознании, например: «Имидж как основа эффективности деятельности современной полиции» (А. Н. Шумилов), «Имидж сотрудника полиции как показатель эффективности деятельности правоохранительных органов» (К. Ю. Менчикова, Д. В. Захаров), «Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел в процессе профессионального образования в вузах МВД России» (Н. П. Каданцева), «Социально-психологические особенности имиджа современного полицейского в России» (Н. Е. Браженская, Е. Р. Чернобродов), «Повышение престижа

службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Формирование положительного имиджа сотрудника полиции» (Б. А. Жуков, 2019), «Роль имиджа сотрудников полиции при обеспечении общественной безопасности во время массовых мероприятий» (Р. М. Султанова, Ю. В. Чуманов).

Имидж сотрудников полиции тесно связан с их признанием и доверием населения. Как утверждает в своей диссертации, защищенной в 2021 году, социолог Е. Н. Шлягина: «Отношение населения к органам правопорядка имеет решающее значение для повседневной работы полицейских». Она отмечает: «Профессиональная деятельность полицейского сочетает в себе риски, как минимум, трех видов: во-первых, это риски, связанные с опасностью взаимодействия с криминальной средой; во-вторых, риски, связанные с экономическим обеспечением и социальным уважением к семье полицейского; в-третьих, риски, связанные с утратой доверия со стороны населения [126, 85]»

Анализ формирования социальных представлений об образе полицейских, проделанный С. А. Мусатовой, показал: «В структуре образа полицейского в социальных представлениях жителей мегаполиса доминируют негативные элементы, сформированные под воздействием факторов макросреды, независимо от индивидуального опыта взаимодействия жителей мегаполиса с полицейскими в процессе социального восприятия. В результате чего индивидуальная субъективная положительная оценка образа полицейского в процессе взаимодействия блокируется ригидными

элементами социальных представлений» [79]. Это исследование подтвердило, что в формировании таких представлений решающую роль, в большинстве случаев играет не личный опыт взаимодействия с сотрудниками полиции, а средства массовой информации, кинематограф, телевидение, публицистика и художественная литература, а также мнение социального окружения. Об этом же свидетельствуют и мнения других представителей различных гуманитарных исследований. Так, Р. М. Янбухтин считает, что для формирования позитивного имиджа сотрудников полиции требуется организовать эффективное взаимодействие МВД России и системы средств массовой информации, для чего необходимо разработать и утвердить единую концепцию их сотрудничества, где необходимо сформулировать «принципы по выстраиванию доверительных и партнерских взаимоотношений органов внутренних дел с медиаобщественностью» [129].

В своей работе Е. Н. Шлягина сравнила результаты социологических исследований, проведенных незадолго до реформы деятельности органов внутренних дел и через восемь лет после принятия Закона «О полиции». Так, по результатам опроса Фонда «Общественное мнение» 2008 года, проведенного в ста населенных пунктах сорока шести субъектов России, лишь 8 % населения считали, что сотрудники органов внутренних дел выполняют свои обязанности хорошо и отлично, 38 % отмечали удовлетворительную работу, а остальные оценивали ее негативно или крайне отрицательно. По данным ВЦИОМ (Всероссийского центра изуче-

ния общественного мнения) в 2019 году 36 % положительно оценивали деятельность полиции в своих регионах и 47 % считали ее вполне удовлетворительной [107, 89]. При этом представления об образе сотрудника полиции, по сравнению с данными С. А. Мусатовой 2014 года, изменились в лучшую сторону: 56 % граждан воспринимают его как крепкого, по 55 % как вежливого и готового помочь, по 54 % как храброго и работящего и 77 % как просто опрятного человека [126, 89].

Результаты анализа этих социологических данных, не смотря на фиксацию положительной динамики, все же свидетельствуют о том, что реформа МВД за десятилетие лишь частично достигла желаемых результатов. Как отмечает Е. Н. Шлягина: «Некоторые авторы констатируют наличие позитивных изменений в сотрудничестве полиции и СМИ, а также в том, как она использует сеть Интернет. Они отмечают, что органы внутренних дел РФ стали постепенно заимствовать опыт зарубежных стран по использованию интернет-пространства для распространения информации о своей деятельности, однако, по мнению этих авторов, данный ресурс нужно задействовать активнее, ведь именно им пользуется значительная часть населения России, в первую очередь, молодежь» [126].

Анализируя различные предложения и подходы к формированию позитивного образа полиции и ее сотрудников Е. Н. Шлягина справедливо утверждает: «цельный образ полиции и ее сотрудников, сложившийся у граждан, во многом определяет и от-

ношение к правоохранительным органам, и желание помогать им в их работе, и степень доверия и уважения к ним. Реальное восприятие полиции населением оказывает воздействие и на уровень латентной преступности, а именно на готовность и желание граждан сообщать о том, что они стали объектами преступных посягательств, а также своевременно информировать сотрудников полиции о готовящихся преступлениях. Таким образом, изменение мнения населения о полиции в положительную сторону является сложной многосторонней задачей и для ее решения требуются не только значительные усилия со стороны всего аппарата органов внутренних дел, но и привлечение внешних ресурсов» [126, 93].

В связи с тем, что в соответствии с Законом «О полиции» общественное мнение является главным критерием оценки деятельности органов внутренних дел, проблема изучения механизмов и закономерностей формирования образа сотрудника полиции требует не только проведения социологических исследований. Необходима организация глубоких психологических исследований, проведение сравнительного анализа результатов изучения личности и самооценки сотрудников ОВД, а также их отражения в сознании руководителей, коллег, подчиненных, СМИ и населения различных регионов страны.

Глава 3. ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОБРАЗОВ

§ 1. Методология, методы и методики исследования социально-перцептивных образов

Необходимость и стремление понять преобразование чувственного отражения в психический образ остро ставит вопрос разработки методов и методик исследования, адекватных сложности самой проблемы теории психических образов. Но, почему же, несмотря на важнейшее значение образа, его содержание и структура практически не изучались? Частично на этот вопрос вполне конкретно и четко ответил в своей статье «Проблема образа в психологии» Борис Федорович Ломов: «По ряду причин, в первую очередь методического порядка...» [66].

С тех пор в психологии разработано немало различных подходов к изучению образной, в том числе и социально-перцептивной сферы, например, В. П. Серкин подробно описывает более двадцати методов применяемых в психосемантических исследованиях [106].

Как отмечал в своей монографии С. Д. Смирнов: «Образ как психологическое понятие имеет более чем двадцатипятивековую историю. Попытки исключить его из системы психологических

категорий, предпринятые в начале XX века в ходе антименталистского «бунта», закончились, по меткому выражению Р. Хольта, «возвращением образа из изгнания» и восстановлением этого понятия даже в таком крайнем течении, как бихевиоризм» [113].

Отечественная психология, разрабатывая проблемы теории отражения, как основы психической деятельности, не могла обойти проблему формирования психического образа, как результата восприятия и отражения действительности. А. Н. Леонтьевым — одним из основателей «московской» психологической школы, первым деканом психологического факультета МГУ, разрабатывалась концепции «образа мира» как центрального понятия психологии познавательных процессов: «Общее положение, которое я попытаюсь сегодня защищать, состоит в том, что проблема восприятия должна быть поставлена и разрабатываться как проблема психологии образа мира». Один из главных выводов из анализа понятия образа, сделанный А. Н. Леонтьевым: «Становление образа мира у человека есть его переход за пределы «непосредственно чувственной картинки». Образ не картинка!» [64].

Один из выдающихся наших психологов — первый декан психологического факультета ЛГУ им. Жданова (сегодня вернувшим историческое название — Санкт-Петербургский университет) Б. Ф. Ломов писал: «К числу важнейших проблем психологической науки принадлежит проблема образа. Ее разработка имеет исключительное значение для развития как общей теории психологии, так и теоретической базы специальных психологических дис-

циплин. Не менее актуальна она и для решения многочисленных практических задач, которые ставятся перед психологией» [67].

Практически об этом же писал и другой наш замечательный ученый — Е. А. Климов, который, после перевода из Ленинградского пединститута в МГУ, с 1980 года заведовал там кафедрой психологии труда и инженерной психологии и неоднократно избирался деканом факультета психологии МГУ им. М. И. Ломоносова: «Одним из фундаментальных понятий психологии является «образ» (как отображение субъектом некоторой реальности, включая и самого субъекта). ...Образы самосознания человека (наряду с образами окружающего мира) — необходимая основа целесообразной регуляции, саморегуляции его трудовой деятельности и взаимодействия с окружающими людьми» [53].

При всей значимости исследования проблемы образов многие ученые считали, что, несмотря на фундаментальное значение образов в психической жизни человека, их изучение является весьма проблематичным. В значительной степени это было связано с тем, что в образе, по выражению А. Н. Леонтьева, мир приобретает квазиизмерение: «У человека *мир приобретает в образе пятое квазиизмерение.* Оно ни в коем случае не есть субъективно приписываемое миру! Это переход *через чувственность за границы чувственности, через сенсорные модальности к амодальному миру.* Предметный мир выступает в значении, т. е. картина, мира наполняется значениями» [64]. Необходимость и стремление понять преобразование чувственного отражения в психический образ остро

ставит вопрос разработки методов и методик исследования, адекватных сложности самой проблемы теории психических образов.

Мы уже отмечали ранее: «многомерность и многофункциональность образов, которые формируются у человека в течение его жизни, вызывает все больший интерес как ученых, так и практиков, поскольку ожидается, что понимание структуры образов, путей их образования и способов преобразования позволит выявить новые механизмы повышения эффективности деятельности и взаимодействия людей… Как это ни странно, разработано множество методов и методик изучения различных составляющих ощущений, восприятия, памяти, мышления, воображения, внимания, воли, эмоций и т. п., но очень мало доступных и эффективных методик, позволяющих выявить содержание и структуру образов, складывающихся в сознании человека» [110].

Необходимо понимать, что образы предметного мира и образы социального мира, включая Я-образы человека, имеют не только разное значение, но и принципиально различные содержание и структуру, различные механизмы и закономерности формирования и функционирования этих видов образов.

Для изучения образов социального мира преимущественно используются разнообразные описательные проективные психосемантические методы и методики, которых сегодня разработано уже немало. Как уже отмечалось нами, в учебном пособии В. П. Серкина описано более двадцати методов психосемантического исследования. При этом он обращал внимание исследовате-

лей: «В большинстве методов исследования и моделирования значений и систем значений используется вербальная стимуляция, вербальные шкалы, оценки и задания, поэтому граница между методами психологии субъективной семантики, психосемантики и психолингвистики четко не определена… В прикладных и научных разработках для повышения уровня достоверности результатов методы психологии субъективной семантики и психосемантики используются наборами (батареями), часто в совокупности с другими исследовательскими и диагностическими методами». В. П. Серкин пишет: «Стимульным материалом (совокупностью стимулов) является то, что оценивают испытуемые при применении методов субъективной семантики и психосемантики. Популярность методов субъективной семантики и психосемантики отчасти обусловлена практически неограниченными возможностями использования предметов, явлений и понятий в качестве стимульного материала». [106, 224].

В своей работе «Методы психологии субъективной семантики и психосемантики» В. П. Серкин подробно описывает методы, применяемые в психосемантических исследованиях, начиная с неспецифических общепсихологических методов наблюдения и беседы. Далее он выделяет специфические психосемантические методы изображения или описания слов, ситуаций, состояний, отношений; метод определения понятий; метод сравнения (различения); методы классификаций: «методика четвертый лишний», свободная классификация, групповая классификация; методы

субъективного шкалирования; ассоциативные эксперименты: классические ассоциативные эксперименты и групповые ассоциативные эксперименты; методы формирования понятий: формирование искусственных понятий, формирование естественных понятий, формирование псевдопонятий, формирование понятий с использованием затрудненных условий восприятия; методы семантических дифференциалов: стандартный семантический дифференциал, сравнение профилей оценки с использованием семантического дифференциала, групповые универсалии оценки с использованием семантического дифференциала и пошаговый алгоритм их выделения, выделение факторной структуры оценки с использованием семантического дифференциала, выделение кластерной структуры оценки с использованием семантического дифференциала, применение семантического дифференциала, сопоставление метода семантических универсалий и методов математической редукции данных; методы пециализированных семантических дифференциалов и алгоритм их разработки: алгоритм, алгоритм разработки и бланки специализированных семантических дифференциалов для оценки работы, профессии и профессионала, описание разработки специализированного семантического дифференциала «Образ жизни», бланк семантического дифференциала для оценки представлений о времени (переживания времени); методы личностных семантических дифференциалов (ЛСД); методы личностных конструктов; методы семантического радикала (СР); методы опосредствованного исследования значений;

метод микросемантического анализа; методы контекстной и семантической реконструкции и конструирования; контент-анализ глубинных семантических ролей; методы сравнения и трансляции семантических описаний при обучении; формирующие и обучающие психосемантические эксперименты; лонгитюдные психосемантические эксперименты [106].

Для изучения социально-перцептивных образов нами была разработана методика «Структура образа человека (иерархическая) — СОЧ(И)», которая позволяет не только выявить структуру и содержание представлений человека о себе и других людях, но и соотнести их между собой, определить психологические механизмы и закономерности их образования, такие как прямая или обратная проекция, стереотипизация, идентификация, атрибуция, аттитюд и др. Методика «СОЧ(И)» позволяет качественно и количественно исследовать как индивидуальную имплицитную концепцию человека, так и провести сравнительный анализ особенности представлений респондента о конкретных людях и самом себе.

§ 2. Методика изучения образа человека «СОЧ(И) — структура образа человека (иерархическая)»

Методика «СОЧ(И) — структура образа человека (иерархическая)» разработана была разработана в 1996 году на основе методических приемов тестов С. Делингер «Психогеометричекий тест» [111] и М. Куна и Т. МакПартленда «20 высказываний» [130].

Особенности указанных выше тестов, которые описаны в нашей диссертации «Психология образа ребенка (в сознании субъектов педагогической деятельности)»:

«Психографические методики по классификации Л. Фрэнка, первым предложившим термин «проективные методы изучения личности» [132], относятся к группе методик изучения продуктов творчества.

Как отмечает Е. Т. Соколова [114, с. 11–12], проективные методики отличают:

— относительная свобода испытуемых в выборе ответа ввиду неопределенности стимульного материала или инструкции;

— максимальная проекция личности, благодаря отсутствию социальных норм и оценок со стороны исследователя;

— измерение не конкретной психической функции, а некоего модуса взаимоотношений личности с ее социальным окружением.

При этом подчеркивается специфическая роль экспериментатора, важность его умения расположить к себе испытуемого.

Применение методов «рисунок на заданную тему» и «ассоциативный рисунок ребенка» вызвало трудности в организации, так как подавляющее большинство испытуемых были чрезвычайно озабочены своими изобразительными способностями, и их продуктивная деятельность оказалась весьма затруднена борьбой с охватившими переживаниями. Учитывая, что положительное отношение к процедуре исследования является важнейшим мето-

дологическим принципом использования проективных методов, от указанных методик пришлось отказаться.

Гораздо эффективней и по процедуре, и по результатам оказалось применение психогеометрических методик, так как они, с одной стороны, предполагают изображение простейших фигур, что существенно облегчает их исполнение, а с другой — позволяют достаточно четко стандартизировать и облегчить анализ результатов, не допуская при этом потери большого объема психологической информации.

В отечественной литературе (А. А. Алексеев и Л. А. Громова, А. В. Либин и В. В. Либин, Е. С. Романова и О. Ф. Потемкина) встречаются различные варианты и модификации таких методик.

В пилотажном варианте нашего исследования использовался тест «Конструктивный рисунок человека из геометрических фигур» в модификации Е. С. Романовой и О. Ф. Потемкиной и «Психогеометрический тест» в модификации А. А. Алексеева и Л. А. Громовой [4].

В этих тестах, несмотря на разницу в теоретических подходах, в отборе материала и технике интерпретации, есть много общего в исходных концепциях и конечных результатах.

Психогеометрический тест в модификации А. А. Алексеева и Л.А. Громовой основан на психогеометрической системе анализа личности, разработанной американским практическим психологом Сьюзен Делингер [130].

В основу ее анализа положена интерпретация результатов ранжированного выбора из пяти фигур: квадрата, треугольника, круга, прямоугольника и ломаной линии — зигзага (рис. 2).

С. Делингер указывает на два основных теоретических источника: учение о психологических типах К. Г. Юнга и теоретические представления о функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга.

Авторы русской версии психогеометрического теста указывают также на сходство концепции теста с типологией, разработанной американским профессором Полем Маклиным (McLean P.) и немецким антропологом Рольфом В. Ширмом (Schirm Rolf W.) [134].

Е. С. Романова и О. Ф. Потемкина ссылаются на тест американского графолога Энн Махони, в котором необходимо было в порядке предпочтительности расположить круг, квадрат, треугольник и ломаную линию [99].

Суть интерпретации этих символов практически идентична варианту С. Делингер, но в данном случае отсутствует прямоугольник.

А. В. Либиным разработана отечественная модификация теста Э. Махони, существенно отличающаяся от оригинала.

Е. С. Романова и О. Ф. Потемкина предложили свой вариант данной модификации, который использовался в ходе пилотажного исследования.

Предварительный анализ эмпирического материала, собранного с применением указанных методик, показал, что результаты,

полученные с использованием теста «конструктивный рисунок человека из геометрических фигур» и «психогеометрического теста», принципиально не отличаются. В то же время проведение и анализ теста «конструктивный рисунок человека из геометрических фигур» занимает существенно больше времени, потому в дальнейшем анализ полученных результатов будет основан на данных психогеометрического теста.

Этот выбор основан на большей компактности, процедурной простоте, достаточной широте интерпретации и проверке на валидность и надежность данного теста, осуществленной сотрудниками кафедры психологии РГПУ им. А. И. Герцена.

Стимульный материал теста крайне прост — пять геометрических фигур:

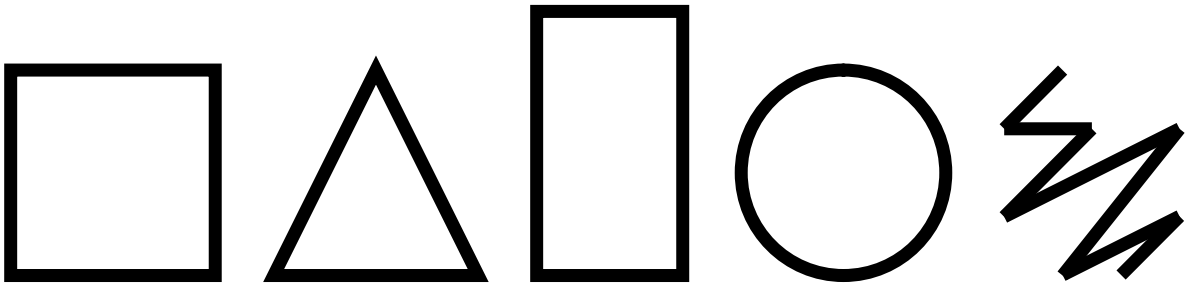

Рис. 2. Стимульный материал психогеометрического теста

Анализируя проблему обоснования психогеометрического теста, А. А. Алексеев и Л. А. Громова отмечают, что им не удалось обнаружить никаких данных о валидности и надежности

данного теста. В своей работе С. Делингер (1989) лишь упоминает о том, что этот тест требует гораздо меньше трудозатрат, чем методика Myers-Briggs, при аналогичных результатах. С. Делингер определяет точность диагностики своей методики как равную 85 %, но способа расчета не указывает, в связи с чем А. А. Алексеев, И. А. Баева, П. Н. Виноградов и И. И. Скрипюк (4, 155–157) провели изучение обоснованности применения данного теста в диагностических целях. Их данные были получены при обследовании кадрового резерва руководителей среднего звена ряда предприятий тогда еще Ленинграда и Московской области.

При проверке психогеометрического теста использовался многоцелевой блок психодиагностических методик, включающий: опросник Р. Кэттела 16 PF (форма С); шкалу личностной тревожности Дж. Тейлора; тест «локус контроля»; прогрессивные матрицы Равена; опросник Э. Шострома POI; опросник ОСТ (основные свойства темперамента) В. В. Русалова и ряд других методик. Были вычислены (для каждой психогеометрической формы личности) среднегрупповые оценки по всем шкалам перечисленных тестов. В результате выявились достоверные (на уровне $p < 0,05$ и выше) различия между парами сравниваемых фигур по следующим шкалам: F, G, L, N 16 факторного опросника Р. Кэттела; СЭР (социальной эргичности), «Лжи», П (пластичности), СП (социальной пластичности) опросника ОСТ; «Поддержки», «Сензитивности», «Спонтанности», «Контактности», «Креативности».

В ходе исследования выявилось, что этот тест вызывает большой интерес у испытуемых и представляется достаточно надежным для выявления различий между отражаемыми образами, что подтверждается и результатами нашего исследования. Так, сравнение данных в сериях «хороший ребенок» и «плохой ребенок» показывает в ряде случаев точный «зеркальный» вариант психогеометрических данных.

В данном исследовании применялись несколько вариантов инструкций. Каждый вариант отличался от основного (отражающего образ самого испытуемого) образом отражаемого объекта в соответствии с перечнем типов определений ребенка или взрослого.

В настоящее время практически никто уже не оспаривает мнение, что образ, отражаемый психикой человека, включает, как минимум, два вида представлений:

— достаточно четко осознаваемых, более или менее структурированных и достаточно просто вербализуемых;

— неопределенно-интуитивных, слабо осознаваемых, расплывчатых, а потому трудно вербализуемых.

При проведении исследования для изучения представлений первой группы использовались методики: «20 высказываний» и ее модификации. Для изучения представлений второй группы применялись: невербальный психогеометрический тест Сьюзен Делингер, адаптированный применительно к нашим условиям А. А. Алексеевым; «конструктивный рисунок человека из геометрических фигур»; «ассоциативный портрет». При обработке ре-

зультатов применялись контент-анализ, частотный анализ и математические методы обработки данных.

Анализ первичных материалов показал, что для оперативного выявления образа ребенка и соотнесения его с Я-образом взрослого письменные характеристики детей и решение проблемных педагогических ситуаций можно не использовать, так как дополнительная информация, полученная с использованием этих методов, не оказывает существенного влияния на общую структуру и основное содержание образа, в то время как трудозатраты существенно увеличиваются как при сборе, так и при обработке результатов. Это же касается и невербальных методик: «конструктивный рисунок человека из геометрических фигур» и «ассоциативный портрет». Данные методики в итоге использовались как уточняющие и иллюстративные, а в основу исследования легли варианты первых трех из указанных методик.

Использование же методического приемов теста «20 высказываний» и психогеометрического теста Сьюзен Делингер для решения задач исследования образов человека представляется вполне правомочным. Методика «20 высказываний» [131] достаточно широко известна и за сорок пять лет со дня опубликования многократно использовалась как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях.

Авторы теста «20 высказываний» М. Кун и Т. Макпартлэнд [131] применяли данный тест для выявления локусных установок личности, исходя из того, что люди организуют и направляют

свое поведение в соответствии с их субъективно определяемыми идентификациями. Как отмечают авторы: «вопрос «Кто Я?» является тем вопросом, который логически должен связываться с тем, с чем себя идентифицирует индивид, т. е. с социальным статусом и теми чертами, которые, по его мнению, связываются с этим».

Методика «СОЧ(И)» является принципиально другой методикой, не только потому, что она, кроме вербальной части, содержит и невербальную, прежде всего, она не является тестом, а скорее ассоциативным экспериментом, позволяющим сопоставлять между собой невербализованные, а следовательно мало осознаваемые Я-, Ты-, Он- образы разных людей, соотносить их с собственной Я-концепцией человека. В методику «СОЧ()И» заложен лишь принцип сбора первичной информации, предложенный М. Куном и Т. Макпартлэндом. Эта методика выходит за границы теста, так как данный тест в авторском варианте ориентирован на выявление «локусного балла», определяющего лишь наличие объективных характеристик, относящихся к объективно определенным статусам и классам. На основании «локусного балла» авторами и строилась тестовая шкала.

По мнению авторов, природа индивидуальных статусов сложна и многоаспектна, личности обладают разнообразными диапазонами установок на себя. М. Кун и Т. Макпартлэнд не согласны с предположением о том, что «актуализация» объективных высказываний поверхностна, так как является простым переносом из анкетных данных, традиционно в больших количествах

запрашиваемых обществом, в то время как субъективные ответы характеризуются как более глубокие установки личности на себя и оказываются ближе «к истинной сущности индивида».

Авторы считают, что порядок ответов отражает модель Я-концепции, и по результатам своего исследования приходят к выводу, что объективные установки у людей более выражены и находятся в верхней части установок на себя. Авторы подкрепляют этот вывод достаточно спорным эмпирическим подтверждением, основанным на том, что трех-четырехлетние дети, т. е. те, кто никогда не сталкивался ни с анкетами, ни с заполнением документов, отвечая на вопрос «Кто ты?», кроме своего имени сообщают свой пол и возраст.

Такая интерпретация данного факта представляется неадекватной. Дети этого возраста действительно не заполняют анкет и документов, но, как правило, гораздо чаще взрослых отвечают на устные вопросы, касающиеся их имени, пола, возраста и других «объективных данных», что, безусловно, приводит к запечатлению, осознанию и облегченному воспроизведению данных ответов.

Наблюдения, сделанные в ходе наших прежних исследований, показывают, что объективные характеристики в большинстве случаев требуют для своей актуализации значительно меньше времени, чем субъективные. Мне это представляется следствием того, что объективные характеристики, во-первых, в силу их частой востребованности легче осознаются и, во-вторых, вызывают меньше сомнений в возможности их обнародования, так

как и без тестирования легко доступны выяснению, а потому не вызывают настороженности респондентов в отношении использования результатов опроса.

В процессе исследования нас интересовало не только соотношение объективных и субъективных характеристик, но и содержание самих характеристик, а также то, какую структуру образа человека они отражают. Здесь я разделяю уверенность авторов теста в том, что ответы отражают модель Я-концепции. В связи с этим тест применялся не как тест, а как основание для разработки методики выявления актуального (на момент исследования) содержания и структуры установок личности на себя и (в случае педагогов и родителей) на ребенка.

Методика изучения образа человека «СОЧ(И) — структура образа человека (иерархическая)» была создана в результате анализа различных психографических и психосемантических методов и методик. Соответственно, методика «СОЧ(И)» состоит из двух частей: вербальной и невербальной — психографической.

Первая из них дает возможность сбора вербальной, в той или иной степени осознаваемой информации; вторая позволяет получить данные об интуитивной, мало осознаваемой, невербализованной и неструктурированной группе представлений о человеке. Первая часть методики является модификацией методики «20 высказываний» с той разницей, что инструкция для испытуемых изменена следующим образом: «Представьте себе, что Вы встретились с человеком, хорошо владеющим русским языком, но не зна-

ющим лишь одного, но чрезвычайно важного для него слова: «…» (здесь указывается объект исследования, которым может быть ребенок, взрослый, студент, педагог, полицейский, депутат и т. п.), и только Вы можете объяснить ему значение этого слова. Для того чтобы у него сложилось наиболее точное и полное представление о данном человеке, требуется дать ему не более (но и не менее) 20 определений этого слова. Это могут быть односложные синонимы, ассоциативные образы или развернутые определения, но в этом случае каждое определение должно раскрывать только одно понятие. Располагайте ответы в том порядке, в котором они приходят вам в голову. Не заботьтесь об их логичности или важности. Пишите быстро, поскольку Ваше время ограничено. Итак, 20 определений ...»

Обработка ответов осуществлялась методом контент-анализа. Этот метод является весьма трудоемким и достаточно утомительным. Кроме того, при обработке большого массива разнообразных данных возникает эффект ситуационного субъективизма. Иначе говоря, категоризация, отнесение к определенной группе одних и тех же слов, может оказаться существенно разнесенной по времени и в свою очередь, в условиях утомляющей монотонности процедуры, может привести к тому, что одни и те же понятия окажутся отнесенными к разным категориям характеристик. Для автоматизации и исключения субъективизма анализа содержания и осуществления математико-статистический анализа социально-перцептивных образов нами, совместно с С. И. Кедич

и И. Ю. Шиловым, при участии программиста С. Н. Левич, была разработана компьютерная программа контент-анализа. Эта программа позволяет осуществлять математическую обработку, как отдельных образов, так и практически неограниченного массива имплицитных концепций образов человека, типичных для различных групп и сообществ.

Данная программа основана на том, что в структуре представлений о человеке были выделены четыре группы характеристик, включающие следующие категории описаний ребенка:

1 группа. Характеристики, отражающие объективные или субъективные представления о человеке:

1.1. Объективные характеристики (человек, сестра, мальчик и т. п); условное обозначение — «к» — конвенциональные, социально-ролевые.

1.2. Субъективные характеристики (добрый, умный, негодник и т. п.).

2 группа. Характеристики, отражающие различные стороны личности:

2.1. Акизитивные характеристики (от франц. acquisition — приобретение) отражающие отношение к деньгам, материальным ценностям, коллекционированию, накоплению вещей (богатый, бедный, модный и т.п.), условное обозначение — «а».

2.2. Личностно-волевые характеристики (упорный, неусидчивый, целеустремленный и т. п.), условное обозначение — «в».

2.3. Характеристики особенностей поведения личности как субъекта деятельности (труженик, лентяй, аккуратный и т. п.), условное обозначение — «д».

2.4. Характеристики интеллектуально-творческой сферы личности (любознательный, невнимательный, выдумщик и т. п.), условное обозначение — «и».

2.5. Характеристики особенностей поведения личности, проявляющиеся как во взаимодействии, так и в деятельности (игривый, активный, осторожный и т. п.), условное обозначение — «п».

2.6. Социальные характеристики особенностей поведения личности как субъекта взаимодействия (помощник, добрый, агрессивный и т. п.); условное обозначение — «с».

2.7. Телесно-физические характеристики (толстенький, подвижный, неряха и т. п.), условное обозначение — «т».

2.8. Эмоционально-личностные характеристики (веселый, любимый, задира и т. п.); условное обозначение — «э».

3 группа. Характеристики, отражающие отношение к человеку:

3.1. Как к объекту воздействия (кукленок, несмышленыш, покладистый и т. п.), условное обозначение — «о/в».

3.2. Как к субъекту развития (помощник, наблюдатель, любящий и т. п.), условное обозначение — «с/р».

3.3. Метафорические характеристики (березка, солнышко, мрак и т. п.); условное обозначение — «м».

3.4. Позитивные характеристики; условное обозначение — «+».

3.5. Негативные характеристики; условное обозначение — «-».

3.6. Нейтральные или амбивалентные характеристики; условное обозначение — «=».

4 группа. Характеристики, отражающие гендерные особенности человека:

4.1. Маскулинные характеристики; условное обозначение — «м».

4.2. Фемининные характеристики; условное обозначение — «ф».

4.3. Андрогинные характеристики; условное обозначение — «а».

Некоторые ответы могут попадать в несколько категорий, так «добрый» относится к категориям 1.2, 2.5, 3.2, 3.4; «агрессивный» — к категориям 1.2, 2.5, 3.2, 3.5; «несмышленыш» — к категориям 1.2, 2.4, 3.1, 3.6. В этом случае они учитывались в каждой категории. Как известно, образы сложных объектов и явлений весьма непросто вербализовать и информация, полученная таким способом, не дает полного представления об имеющихся у человека образах. Полное, точное представление получить, скорее всего, невозможно, но применение графических методик позволяет существенно дополнить информацию о структуре образов и о личности того, чьи образы изучаются. Последнее представляется весьма важным, так как именно личностный опыт человека, система его отношений к миру отражается в конкретных образах. В свою очередь и вербализованные образы дают дополнительную информацию о личности, продуцирующей образы. Для получения данных о невербальных параметрах Я-образов детей и взрослых, об их представлениях о ребенке и некоторых личностных особен-

ностях в разработанную нами методику «СОЧ(И)» кроме процедуры «20 высказываний» был включен модифицированный вариант психогеометрического теста С. Делингер. Модификация заключалась в неразрывном использовании данной методики сразу же вслед за написанием 20 высказываний; в незначительном изменении инструкции; в отказе от самого принципа использования полученных данных для тестирования личностных качеств испытуемых. Процедура проведения обследования по методике «СОЧ(И)» предполагает сразу же после выполнения задания «20 высказываний», т. е. после вербального изложения своих представлений о предлагаемом образе, приступить к выполнению задания «геометрические портреты того, кого только что описали».

Инструкция к этой части методики в целом соответствует тексту, приведенному в работе А. А. Алексеева и Л. А. Громовой [4, 7]. Анализ выбранного испытуемым расположения геометрических фигур используется не для определения личностных характеристик испытуемых или отображаемого ими образа, а для сопоставления последовательностей геометрических фигур, иллюстрирующих каждую группу «20 высказываний». Основное внимание при сравнительном анализе обращается на первые две и последнюю из каждых пяти фигур. При этом возможны четыре основных варианта сочетания каждой пары образов:

— прямое совпадение последовательности первых и последних фигур, которое говорит о прямом соответствии невербальных образов;

— несовпадение последовательности фигур, которое говорит о несоответствии невербальных образов;

— частичное совпадение последовательности, когда совпадают лишь первые или последние фигуры, что говорит о соответствии предпочитаемых или нежелательных особенностей образов;

— обратное совпадение последовательности, когда первые фигуры одного образа совпадают с последними фигурами другого образа, что говорит о противопоставлении образов, их «обратной пропорциональности».

М. В. Гамезо, Б. Ф. Ломов и В. Ф. Рубахин, анализируя проблемы формирования перцептивного образа, отмечают, что в конкретных условиях образ приобретает те или иные специфические черты в зависимости от того, «что человеку нужно», а это значит, что он зависит от его личностных особенностей, таких как потребности, мотивы, установки, чувства, интересы и т. д. [30].

Как отмечали многие участники наших исследований, выполнение невербальных заданий давало обучающий эффект, причем происходило как бы самообучение, так как новая информация приходила не со стороны, а изнутри — от самого участника, который не только находил новые определения и ассоциации (т. е. осуществлял познавательную деятельность), но при этом и переживал определенные (нередко неожиданные для него) эмоции.

Во время выполнения этой серии заданий не только осознаются имеющиеся в данный момент образы, но и актуализируются обычно неосознаваемые функции психических образов, что при-

водит к некоторой (порой, по отзывам педагогов, весьма существенной) переработке представлений. В этом проявился коррекционный потенциал данной методики выявления образов, но этот потенциал, его объем и влияние не являются предметом данного исследования» [110].

Компьютерная программа анализа результатов, полученных с помощью методики «СОЧ(И)» позволяет:

— сверять определения, введенные в базу данных PC IBM, со структурным словарем и вносить в него не встречавшиеся ранее определения;

— автоматически распределять характеристики описываемых образов по различным компонентам структуры;

— проводить количественный анализ структуры образов. Обработка включала следующие процедуры:

— осуществлять составление частотных словарей определений Я-, Он-образов;

— обеспечить составление частотных словарей определений собирательных образов;

— формировать составление квартильных словарей указанных определений (имеются в виду порядковые словари первых, вторых, третьих и четвертых пяти из 20 определений каждой категории);

— проводить контент-анализ эмпирических данных и составленных словарей;

— осуществлять структурирование всех категорий определений по указанным ранее типам характеристик;

— выявлять обобщенные (усредненные) структуры образов:

— группировать респондентов по психогеометрическим типам и выявление специфики отражения ими образов;

— выявлять компонентные типы структур Я-, Он- образов респондентов;

— группировать по личностно-профессиональным особенностям и выявлять специфику отражения образов;

— осуществлять статистический анализ структур Я-, Он- образов, включающий оценку средней арифметической, расчет стандартного отклонения, определение критерия различий Стьюдента и Х-квадрата, корреляционный анализ данных;

— обеспечивает построение таблиц, диаграмм и графиков, отражающих соотношение структур Я-, Он- образов.

После введения эмпирических материалов в компьютерную базу данных, отдельно по каждой категории, составлялись матрицы контент-анализа, которые служили основой для статистической обработки следующих компонентов характеристик структуры образов: поведенческих, деятельностных, социальных, волевых, эмоциональных, интеллектуальных, телесных, а также конвенциональных (не отражающих специфики конкретного человека) и метафорических [115].

С помощью методики «СОЧ(И)» были изучены особенности образов детей и взрослых разного возраста, пола и национальностей в сознании их сверстников, родителей и педагогов [93], С. И. Кедич (Гусева) выявила особенности образов одаренного

ребенка в сознании российских и немецких студентов педагогических вузов [25], И. Ю. Шилов исследовал специфику образов мужчин и женщин в сознании старших подростков, обучающихся в условиях раздельного обучения юношей и девушек (в кадетских училищах и женской школе) [105], Н. В. Парнюк осуществила сравнительный анализ образов «обычного», любимого и нелюбимого преподавателя в сознании российских и американских студентов [85], Н. С. Бар изучила динамику образа ребенка в сознании учащихся средних специальных педагогических и медицинских учебных заведений в процессе их обучения [16], А. А. Стреленко провела сравнительный анализ Я-образов детей и взрослых, а также образов их друзей и недругов в сознании жертв сексуального насилия [116], А. В. Комарова исследовала особенности образа лживого человека [57], Н. Б. Казначеева проанализировала соотношение структур и содержания Я-образов и образов профессионального психолога в сознании будущих психологов [47], М. В. Карагачева проделала анализ соотношения структур и содержания рефлексивных образов, Я-образов и образов преподавателей в сознании студентов психолого-педагогических специальностей [48], Н. В. Вараева исследовала образ взрослого в сознании воспитанников социально–реабилитационного центра [25], О. Б. Кононова провела исследование особенностей смысложизненных ориентаций и образов старшего друга старшеклассников у представителей пяти поколений 1960-х — 2010-х годов, включенных в творческую деятельность [59], Л. И. Доева осуществила

анализ особенностей образов идеального и реального супруга (супруги) в сознании мужчин и женщин разных этнических групп, а также образ будущего супруга в сознании молодежи [37], С. М. Момбей-оол исследовала гендерные особенности связей социально-перцептивных Я-, Он- образов, жизнестойкости и копинг-стратегий тувинской молодежи [77], А. М. Салчак осуществила половозрастной анализ особенностей образа отца у подростков из полных и неполных семей и их соотношение с их Я-образами, жизнестойкостью и способами совладающего поведения [104].

Такое разнообразие тем и целей исследования убедительно доказывают целесообразность и возможность эффективного исследования механизмов и закономерностей социальной перцепции, сравнительного анализа конкретного содержания и структуры различных социально-перцептивных образов.

§ 3. Программа изучения образа человека в сознании сотрудников полиции

Разработка программы изучения образа человека в сознании сотрудников полиции необходима для организации глубокого исследования профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел, что позволит повысить уровень их адекватного отражения себя и окружающих и обеспечить взаимопонимание с коллегами, руководителями и подчиненными эффективность взаимодействия с гражданами.

Программа должна включать, кроме стандартных батарей тестов, исследования Я-концепции сотрудников полиции разного возраста, проходящих службу в различных подразделениях, имеющих разный опыт профессиональной деятельности, а также исследование восприятия ими коллег, руководителей, подчиненных, обычных граждан, правонарушителей и разных категорий преступников.

Не меньший научный интерес и значение представляют исследования отражения образа сотрудников органов внутренних дел в средствах массовой информации и в сознании граждан имевших опыт общения с сотрудниками полиции с разных позиций: потерпевших, свидетелей, правонарушителей и преступников.

Эти исследования социально-перцептивных механизмов и закономерностей формирования образа субъектов правоохранительной деятельности позволят наметить и конкретизировать пути профессиональной подготовки и повышения адекватности восприятия сотрудников полиции, повышения эффективности их взаимодействия между собой и с социальным окружением. Определить пути повышения доверия населения к сотрудникам и формирования благоприятного имиджа органов внутренних дел.

Предполагаемые формы и методы внедрения исследования в практику:

Реализация результатов исследования предполагается путем внедрения монографии в практическую деятельность правоохра-

нительных органов в рамках использования материалов в процессе проведения лекций и воспитательных бесед с сотрудниками полиции и проведения Единого дня правового информирования.

Материалы монографии могут быть так же внедрены в образовательный процесс Санкт-Петербургского университета МВД России и других вузов, осуществляющих подготовку психологов и специальностей типа «Человек-человек» в процессе преподавания учебной дисциплины «Общая психология», «Социальная психология», «Психология личности», «Психология общения», «Социально-психологический тренинг» в научно-исследовательской деятельности ППС, адъюнктов, докторантов, соискателей образовательных организаций МВД России.

Монография намечает пути основательного исследования социально-перцептивной сферы сотрудников органов внутренних дел, что поможет наметить пути повышения их компетенции в восприятии и адекватном понимании самих себя, коллег, руководителей и подчиненных, правонарушителей и преступников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопов Г. В. Профессиональное сознание — ключевое понятие теории и практики подготовки специалистов // Психологические аспекты формирования профессионально-педагогического сознания в процессе подготовки специалистов в вузе. Куйбышев, 1989. С. 7–8.

2. Акопов Г. В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 272 с.

3. Акопов Г. В., Семенова Т. В., Агапов Д. А. Психология сознания: социально-коммуникативная парадигма / под общ. ред. Г. В. Акопова. — Самара : ПГСГА, 2014. — 52 с.

4. Алексеев А. А., Громова Л. А. Психогеометрия для менеджеров. — Л.: Знание, 1991. — 164 с.

5. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. — СПб., 2000. — 518 с.

6. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. — М., 1980. В 2-х т.

7. Андреева Г. М. Психология социального познания. — М.: Аспект Пресс, 2000.

8. Андреева Г. М. К построению теоретической схемы исследования социальной перцепции // Вопросы психологии. 1977. № 2.

9. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Современная социальная психология на западе. — М., 1978. 270 с.

10. Ардашев Р. Г. Субъективный образ современных полицейских в печатных СМИ: на основе контент-анализа публикаций в «Аргументах и фактах» с 2010 по 2020 год // В сборнике: Образ современного полицейского в общественном сознании. Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции. отв. ред. В. Б. Рожковский. — Ростов-на-Дону, 2022. С. 22–25.

11. Аристотель О душе. Книга 2, глава 2 https://pandia.ru /text/78/216/92209.php дата обращения 10.10.2022

12. Артонова А. И. Некоторые аспекты влияния СМИ на образ полицейского в г. Барнауле // В книге: Молодежь — Барнаулу. Материалы XXI городской научно-практической конференции молодых ученых / гл. ред. Ю. В. Анохин. 2020. С. 531.

13. Асмолов А. Г. На перекрестках путей к изучению психики человека. // Бессознательное: Сб. статей. Т. 1. Новочеркасск, 1994. С. 51–59.

14. Бабурин В. В., Киселев С. С. Образ российской полиции и бессилие уголовного закона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 160–163.

15. Базаров Т. Ю., Черкасов В. В. Социальные представления об имидже полицейского в молодежной среде // Психопедагогика

в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 1(76). С. 14–21. https://doi.org/10. 24411/1999-6241-2019-11002.

16. Бар Н.С. Динамика образа ребенка в сознании студентов средних специальных учебных заведений различного профиля: дис. … канд. психол. наук. — СПб., 2004. — 135 с.

17. Барабанщиков В. А. Детерминация перцептивного процесса (к вопросу об объяснении феноменов восприятия) // Методология и история психологии. 2008. Том 3. № 1. —127 с.

18. Бассин Ф. В. О некоторых современных тенденциях развития теории «бессознательного»: установка и значимость // Бессознательное: природа, функции, методы исследования / под общ. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина. Тбилиси, 1985. С. 429–454.

19. Берн Ш. Гендерная психология. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. — 320 с.

20. Берн Э. Введение в психотерапию и психоанализ для непосвященных. — СПб., 1992. — 448 с.

21. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. — М., 1986. — 422 с.

22. Бехтерев В. М. Сознание и его границы // Избранные труды по психологии личности: В 2-х т. Т. 1. Психика и жизнь / под ред. Г. С. Никифорова, Л. С. Коростылевой. — СПб.: Алетейя, 1999.

23. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 200 с.

24. Бонгарт М. М. Проблема узнавания. М., 1967. (Цит. по В. М. Аллахвердову. С. 206—207.)

25. Вараева Н. В. Образ взрослого в сознании воспитанников социально–реабилитационного центра: дис. канд. психол. наук — Н. Новгород, 2008. — 173 с.

26. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. — М., 2000. — 320 с.

27. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // избр. соч. — М., 1989.

28. Вербова Н. В., Кондратьева С. В. Понимание А. С. Макаренко своих воспитанников, как эталон педагогической социальной перцепции // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 43–50.

29. Выготский Л. С. Психология искусства. — М., 1965. С. 94.

30. Гамезо М. В., Ломов Б. Ф., Рубахин В. Ф. Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем // Психологические проблемы переработки знаковой информации. — М., 1977. С. 11.

31. Глухова А. А., Треушников И. А., Шпилев Д. А. Образ полицейского глазами нижегородцев // Философия права. 2018. № 1 (84). С. 112–118.

32. Голышкина Е. Р., Дорошенко О. М. Личность полицейского как образ профессионала //В сборнике: Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. Сборник материалов II Все-

российской научно-практической конференции молодых ученых / под руководством Р. Б. Осокина. 2019. С. 308–310.

33. Гусева С. И. Образ математически одаренного ученика в сознании педагога: дис. ... канд. пс. наук. 19.00.07. — СПб., 2000. — 169 с.

34. Давыдов В. В. Определение мышления // Культурно-историческая психология. 2006. Том 2. № 2. С. 3–16.

35. Данова Е. А. Образ современного полицейского в социальных сетях // В сборнике: Образ современного полицейского. Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции / Ответ. ред. В. Б. Рожковский. 2019. С. 149–156.

36. Девяткин А. А. Явление социальной установки в психологии XX века: монография / Калинингр. ун-т. — Калининград, 1999. — 309 с. С. 16; Шихирев, 1973. С. 161.

37. Доева Л. И. Особенности образа супруга в сознании мужчин и женщин Северной Осетии: дис. … канд. психол. наук — СПб., 2018. —217 с.

38. Дружинин В. Н. Теоретические основы диагностики познавательных способностей: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1991.

39. Дубова А. А., Кузнецова О. Е. Образ полицейского в сознании молодежи // В сборнике: Психология и современный мир. Субъект жизнедеятельности в современном обществе. Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Министерство науки и высшего образования

Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», Высшая школа психологии, педагогики и физической культуры. 2021. С. 275–281.

40. Дубров А. П., Пушкин В. Н. Парапсихология и современное естествознание. — М., 1990.

41. Дубровский В.Ю. Образ полицейского в цифровом пространстве: социологический анализ // В сборнике: Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие». Международные научные конференции. — Санкт-Петербург, 2021. С. 174–176.

42. Енгалычев В. Ф. Управление общественным правосознанием с помощью имиджа сотрудника милиции // Роль права в деле повышения благосостояния советских граждан в свете решений XXVII съезда КПСС. 1987. С. 50–51.

43. Жуков Б. А. Повышение престижа службы в органах внутренних дел Российской Федерации. Формирование положительного имиджа сотрудника полиции // Молодой ученый. 2019. № 27 (265). С. 188–189. — URL: https://moluch.ru/archive/265/61356/ (дата обращения: 14.10.2022).

44. Злоказов К. В. Особенности формирования образа сотрудника полиции: социально-психологическая модель и индикаторы оценки // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 2. С. 58–61.

45. Зудаева В. В. О способах формирования положительного образа полицейского средствами массовой информации [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. №1 (15). С. 124–128. —Электрон. текст. дан. (байт). — 60 электрон. опт. диск. (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.

46. Иванов В. В. Бессознательное, функциональная асимметрия, язык и творчество // Бессознательное: Сб. статей. Т. 1. Новочеркасск, 1994. С. 168–174.

47. Казначеева Н. Б. Я-образ и образ профессионального психолога в сознании студентов: дис. … канд. психол. наук — СПб., 2006. — 174 с.

48. Карагачева М. В. Социально-педагогические рефлексивные образы студентов психолого-педагогических специальностей: дис. … канд. психол. Наук. — СПб., 2006. — 162 с.

49. Карвасарский Б. Д. Психотерапия. — М.: Медицина, 1985. — 304 с.

50. Карпова А. В. Медийный образ сотрудника полиции как результат деятельности СМИ // Закон и право. 2021. № 11. С. 209–211. https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-11-209-211

51. Кедич (Гусева С. И.) Образ математически одаренного ученика в сознании педагога: дис. ... канд. психол. наук. — СПб., 2000.

52. Келеберда Н. Г. Образ полицейского и современная свобода печати // В сборнике: Образ современного полицейского в общественном сознании. Сборник материалов Международной науч-

но-теоретической конференции / отв. ред. В. Б. Рожковский. — Ростов-на-Дону, 2022. С. 59–63.

53. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — 224 с.

54. Климов Е. А. Образ чего? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. №4. С. 3–10.

55. Климов Е. А. Путь в профессию. — Л., 1974. — 190 с.

56. Колесникова Е. В. Формирование авторитета современного полицейского как перспектива создания и поддержания его положительного образа // Философия права. 2018. № 1 (84). С. 124–127.

57. Комарова А.В. Образ лживого человека в сознании школьников и студентов: дис. … канд. психол. наук. — СПб., 2006. — 191 с.

58. Кондратенко В. Т., Донской Д. И. Общая психотерапия. — Мн., 1993. — 478 с.

59. Кононова О.Б. Образ человека и смысложизненные ориентации старшеклассников, включенных в коллективную творческую деятельность: дис. … канд. психол. наук. — СПб., 2006, — 174 с.

60. Крижанская Ю. С., Третьяков В. П. Грамматика общения. — 3-е изд. — М.: Смысл; СПб.: Питер, 2005 (ГИПК Лениздат). — 277 с.

61. Крыжановская Е. Ю. Образ полицейского в современных литературе и кино // В сборнике: Российская полиция: три века служения Отечеству. Материалы юбилейной международной

научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Секция молодых исследователей / под ред. Н. С. Нижник. 2018. С. 509–510.

62. Кузнецова О. Е. Профессиональные деформации полицейского в сознании современной молодежи // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27. № 2 (89). С. 150–158.

63. Курбанлы Г.А.О. Образ полицейского в общественном мнении // В сборнике: Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции). Материалы международной научно-теоретической конференции молодых исследователей: в 2-х томах / под ред. Н. С. Нижник. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2016. С. 246–250.

64. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ: серия «14. Психология» 1979. № 2.

65. Лернер И.Я. Педагогическое сознание — явление действительности и категория науки // Советская педагогика. 1985. № 3. С. 53–58.

66. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984. — 444 с.

67. Ломов Б. Ф. Проблема образа в психологии // Вестник АН СССР. 1985. № 6. С. 85–92.

68. Майерс Д. Социальная психология. — СПб., 1997. — 684 с.

69. Маклаков А. Г., Чермянин С.В., Шамрей В. Ю., Кондратьев А. Ю. Особенности оказания медико-психологической по-

мощи родственникам погибших моряков атомной подводной лодки «Курск» // Психологический журнал. 2001. Т. 22. №22. С. 5–14.

70. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. — М., 1997. С. 61.

71. Мандельштам О. Э. Ласточка. Собрание сочинений в 2 т.

72. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. С. 29.

73. Маркс К. Капитал. Т. 1; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 189

74. Менчикова К. Ю., Захаров Д. В. Имидж сотрудника полиции как показатель эффективности деятельности правоохранительных органов // В сборнике: Общество. Наука. Инновации (НПК-2018). сборник статей XVIII Всероссийская научно-практическая конференция: в 3 томах. Вятский государственный университет. 2018. С. 479–487.

75. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структуры поведения. — М., 1965. С. 33.

76. Михайлова О. А., Исакова Е.А. Конструирование образа другого в медиарепортаже (на примере персонажа «полицейские») // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 92–97.

77. Момбей-оол Сырга Мергеновна Социальная перцепция, жизнестойкость и копинг-стратегии тувинской молодежи: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. — СПб., 2022. — 202 с.

78. Мотина А. В. Стереотипизированный образ профессии полицейского в сознании современной студенческой молодежи

(на примере вузов г. Барнаула) // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2018. № 10. С. 124–128.

79. Мусатова Сима Андреевна. Феномен образа полицейского в социальных представлениях жителей мегаполиса: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. — М., 2014. — 151 с.

80. Нелюбина Ю. А. Профессиональная личность в сфере правоохранительных органов (на материале кинотекстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-2 (56). С. 124–126.

81. Нилов Н. М. Современный образ полицейского в жизни и в кино // В сборнике: Российская полиция: три века служения Отечеству. Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Секция молодых исследователей / под ред. Н. С. Нижник. 2018. С. 517–518.

82. Обухов, В. Л., Зобов, Р. А., Сугакова, Л. И., Ситников, В. Л. Основы человековедения: человек как микрокосм. — СПб., 2001. — 272 с.

83. Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности. — М.: Просвещение, 1991.

84. Панасюк А. Ю. Имидж: определение центрального понятия в имиджелогии / А. Ю. Панасюк. — http://imageology.ru/content/view/19.

85. Парнюк Н. В. Образ преподавателя в сознании студентов. дис. … канд. психол. наук: 19.00.07. — СПб., 2003. — 212 с.

86. Панферов В. Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопонимания людей // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 139–142.

87. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. — М., 1988. — 207 с.

88. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). Смоленск, 1997.214с.

89. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Общая психология: Учебник для студентов пед. ин-тов / под ред. проф. А. В. Петровского. — М., 1976. — 479 с.

90. Полиция глазами молодежи: сборник студенческих эссе. — Кемерово, 2020. С. 92–94.

91. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. — М., 1983. — 448 с.

92. Психология человека от рождения до смерти / под ред. А. А. Реана. — СПб.: Питер, 2001. — 656 с.

93. Реан А. А. Психология познания педагогом личности учащихся. — М., 1990. — 80 с.

94. Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология — СПб.: Издательство «Питер», 2000. — 416 с: (Серия «Мастера психологии»).

95. Рогов Е. И. Роль профессиональных представлений в становлении специалиста в ВУЗе // Роль представлений в профессиональном становлении личности. — Ростов на Дону, 2012. — 200 с.

96. Рогов Е. И. «Структура представлений об объекте деятельности и ее значение для диагностики становления профессионала» (2008) https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/ 21519/1/ pppo_2008_54.pdf?ysclid=l9a808qkqz883191413

97. Рожковский В. Б., Любивая Г. А. Образ полицейского в российском обществе: проблема репрезентации // Научный портал МВД России. 2018. № 1 (41). С. 12–16.

98. Рожковский В. Б., Вакула И. М. Образ современного полицейского в общественном сознании граждан Российской Федерации // В сборнике: Образ современного полицейского в общественном сознании. Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции / отв. ред. В. Б. Рожковский. — Ростов-на-Дону, 2022. С. 6–10.

99. Романова Е. С., Потемкина О. Ф. Графические методы в психологической диагностике. — М.: Дидакт, 1992. — 256 с.

100. Ронзин Д. В. Психологическое содержание понятия «Профессиональное сознание учителя» // Психологические проблемы развития профессионального сознания учителя. — Л., 1991. С. 3–22.

101. Ронзин Д. В. Содержание, структура и функции профессионального сознания учителя // Психологические аспекты формирования профессионально-педагогического сознания в процессе подготовки специалистов в вузе: Тезисы докладов межвузовской научно-методической конференции 25-26 апреля 1989 г. Куйбышев, 1989. С. 9–10.

102. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. — М.: Изд-во АН СССР, 1957.

103. Рязанов С.М. Образ провинциального полицейского в либеральной публицистике 1905-1907 годов (по материалам Урала) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2019. Т. 29. № 1. С. 117–124.

104. Салчак А. М. Образ отца у тувинских подростков из неполных семей: дис. … канд. психол. наук — СПб., 2022. — 155 с.

105. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. С. 261.

106. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учебное пособие для вузов / В. П. Серкин. — М.: Издательство ПЧЕЛА, 2008. — 382 с.

107. Сидоренко Е. В. Опыты реориентационного тренинга. — СПб., 1995. — 252 с.

108. Симонов П. В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознании // Бессознательное: природа, функции, методы исследования / под общ. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина. — Тбилиси, 1985. С. 149–157.

109. Симонов П. В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознании // Бессознательное. Сб. статей. Т. 1. Новочеркасск, 1994. С. 60–68.

110. Ситников В. Л. Психология образа ребенка (в сознании субъектов педагогического процесса): дис. … д-ра психол. наук. — СПб., 2001. — 597 с.

111. Ситников В. Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). — СПб.: Химиздат, 2001. — 288 с.: илл.

112. Ситников В. Л., Стреленко А. А., Енгалычев В. Ф. Применение методики СОЧ(И) при проведении судебно□психологических экспертиз в рамках Семейного кодекса. Психология и педагогика служебной деятельности. 2/2021. С. 77–87. DOI 10.24412/2658-638X-2021-2-77-87

113. Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. — М., 1985. — 231 с.

114. Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. — М., 1980. — 176 с.

115. Социально-психологическая перцепция в системе образования: монография / Ситников В. Л., Регуш Л. А., Казначеева Н. Б., Карагачева М. В., Кедич С. И., Комарова А. В., Парнюк Н. И. Под общей и научной редакцией доктора психологических наук, профессора В. Л. Ситникова, научный редактор — доктор психологических наук, профессор Л. А. Регуш. — СПб.: «ЭЛВИ-Принт», 2016. — 150 с.

116. Стреленко А. А. Социально-перцептивные образы подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие: дис. … канд. психол. наук — СПб., 2004. — 165 с.

117. Султанова Р. М. Роль имиджа сотрудников полиции при обеспечении общественной безопасности во время массовых мероприятий / Р. М. Султанова, Ю. В. Чуманов // Прикладная юридическая психология. 2018. № 4(45). С. 102–108.

118. Сухенко Ю. Р. Образ полицейского в общественном сознании россиян: современные интерпретации // В сборнике: Российская полиция: три века служения Отечеству. Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Секция молодых исследователей / под ред. Н. С. Нижник. 2018. С. 521–522.

119. Тричнер К. С. Биология и информация: элементы биологической термодинамики. — Тбилиси, 1969.

120. Цветаева М. Стихотворения. — Якутск, 1988. — 222 с.

121. Чуслина Д.С.А. Образ полицейского в общественном сознании граждан современной России // В сборнике: Российская полиция: три века служения Отечеству. Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Секция молодых исследователей / под ред. Н. С. Нижник. 2018. С. 496–498.

122. Шепель В. М. Имиджелогия. Секреты личного обаяния / В. М. Шепель. — М.: ЮНИТИ, 1994. С. 230, 302–304.

123. Шерток Л. Сердце и разум в психоанализе (эпистемологический подход) // Бессознательное: Сб. статей. Т. 1. Новочеркасск, 1994. С. 40–50.

124. Шилов И. Ю. Полоролевые образы и тендерная идентичность в сознании старшеклассников, обучающихся в образовательных учреждениях разного типа: дис. ... канд. психол. наук. — СПб., 2000.

125. Ширманов В. В. Образ полицейского в современном кино // В сборнике: Российская полиция: три века служения Отечеству. Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Секция молодых исследователей / под ред. Н. С. Нижник. 2018. С. 515–516.

126. Шлягина Е. Н. Структура и динамика капиталов сотрудников полиции в социальном поле их деятельности (на примере Нижегородского региона): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 — Нижний Новгород, 2021. — 194 с.

127. Шошин П. Б. Пути концептуализации бессознательного // Бессознательное: Сб. статей. Т. 1. — Новочеркасск, 1994. С. 27–39.

128. Шумилов А.Н. Имидж как основа эффективности деятельности современной полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 58-59.

129. Янбухтин Р. М. Правоохранительные органы и СМИ: проблемы и принципы взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (57). С. 213–217.

130. Dellinger S. Psychogeometrics: How to use geometric psychology to influence people. New Jersey: Prentice-Hall, 1989.

131. Kuhn M, McPartland T. An empirical investigation of self-attitudes // Am. So-ciolodical Rev. 1954. Vol. 19. № 1.

132. Frank L. K. Projective methods for the study of personality // J. psychol. 1939. Vol. 8.

133. Rohracher. H., Die Arbeitsweise des Gehirns und diepsychischen Vorgance. Munchen 1967, S. 164-165.

134. Schirm RolfW. Strukturen der Personlichkeit. Munchen, 1980.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Ситников Валерий Леонидович,
доктор психологических наук, профессор

СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ОБРАЗЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Монография

Компьютерная верстка *Душкова А. Ю.*
Дизайн обложки *Шеряй А. Н.*

ISBN 978-5-91837-781-9

EDN: VZJEGW

Подписано в печать 30.11.2023. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$
Печать цифровая. Объем 10,0 п. л. Тираж 50 экз. Заказ № 136/23

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1